Задонский паломник

по благословению митрополита Липецкого и Задонского Никона

№ 2 (113),
30 апреля 2019 г.

12+

Одобрено Синодальным информационным отделом РПЦ св. № 134 от 05.09.2011 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство:
ПИ № ФС77-58178
от 29.05.2014 г.

Учредитель:
Православная религиозная организация Задонского Рождество-Богородицкого мужского Епархиального монастыря г. Задонска Липецкой области Липецкой епархии РПЦ (Московский Патриархат)

Главный редактор:
Иеромонах Гавриил
(Мельников Д.В.)

Адрес редакции, издателя:
399200, Липецкая обл.,
г. Задонск, ул. К. Маркса, 121.
Телефон: (47471) 2-49-55

Адрес типографии:
ООО «Издателъ»
398055, Липецкая обл,
г. Липецк, ул. Московская, 83

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!
Просьба не использовать издание в хозяйственных целях.

При перепечатке материалов альманаха ссылка на «Задонский паломник» обязательна.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 6

Послание Высокопреосвященнейшего митрополита Липецкого и Задонского Никона 10

СОКРОВИЩЕ ДУХОВНОЕ

«О брани между плотью и духом в христианине»
Святитель Тихон Задонский. Краткие нравоучительные слова. Парафраз. Слово 6. 14

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СПАСЕНИИ

«Чтобы сохранить на всю жизнь»
Беседа с Высокопреосвященнейшим митрополитом Липецким и Задонским Никоном. 18

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ

«Если б вы смирялись и имели любовь...»
Памяти схиархимандрита Виталия (Сидоренко). 28

«Жажда Бога»
Памяти иеромонаха Мардария (Данилова, в схиме Алексия). Из бесед с кавказским пустынником. 36

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ О СВТ. ТИХОНЕ ЗАДОНСКОМ

«ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ в творчестве свт. Тихона Задонского и становление русского языка»
Иеромонах Гавриил (Мельников). 50

РАЗМЫШЛЕНИЯ ДЕТЕЙ О БОГЕ 60

РАССКАЗ

«Мое счастливое детство»
Клавдия Лукашевич. 64

Христос Воскресе!

«Отверзлось ныне небо
для всего рода человеческого,
для всех, кто уверовал во Христа
верой апостолов и вслед за ними
и мироносицами духовно пошел
за Христом.

Не страшны для них
никакие бедствия земные, ибо,
даже если за Христа пострадают,
вечно в Царстве Его ликовать будут.

Не страшна ныне смерть
для во Христа верующих;
не во ад с печалию, а с веселием
в рай души их внидут. Попран ад,
побеждена смерть, кратковременны
суть скорби земные.

Поражен вечный враг Божий
диавол и судорогами своими
напрасно старается причинить
зло людям.

Возрадуйтеся же все живущие!
Радуйтеся, во Христе умирающие,
радуйтеся болящие и скорбящие,
радуйтеся за Христа страждущие!

Радуйтеся и в довольстве
живущие – не о вашем земном
благополучии, а о том, что даровано
нам Христом вечное Царство.

В Него будем веровать,
Ему служить и славить Его
в сей жизни и будущей!»

*Святитель Иоанн
Максимович*

*«Благословен Бог и Отец
Господа нашего Иисуса Христа,
по великой Своей милости возродивший нас
воскресением Иисуса Христа из мертвых»*
(1 Пет 1:3)

Преосвященные архипастыри, досточтимые отцы, всечестные иноки и инокини, дорогие братья и сестры!

В этот дивный и высокоторжественный день, наполненный особой радостью о восставшем из гроба Господе Иисусе, сердечно поздравляю всех вас с великим и мироспасительным праздником Пасхи и обращаю к вам древнее жизнеутверждающее приветствие:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Ныне полнота Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви величает *пеньми и песньми духовными* воскресение из мертвых Сына Божия и Сына Человеческого Господа нашего Иисуса Христа, разрушившего власть смерти и отверзшего нам вход в Свое Нетленное Царство. Поистине сегодня *все наполнилось светом: и небо, и земля, и преисподняя; все творение празднует восстание Христа, в Котором оно утверждается* (Канон Святой Пасхи).

Подобно евангельским женам-мироносицам и иным ученикам Спасителя, которые стали первыми свидетелями воскресения, мы призваны возвещать сию великую радость людям – тем, кто нам близок и дорог, тем, кто нас окружает, тем, кого мы знаем. Мы говорим им: «Христос воскрес!» И как тогда, многие столетия назад, одни из них, веруя, тотчас отвечают: «Воистину воскрес!» Другие, как апостол Фома, сомневаются и говорят: «Пока не увижу Его сам, пока не прикоснусь к Нему, не поверю» (см. Ин 20:25). Иные же и вовсе отвергают эту весть.

Вера в воскресение Господа Иисуса является тем незыблемым основанием, тем непоколебимым столпом, на котором зиждется христианство. *«Если Христос, умерев, не смог воскреснуть,* – говорит святитель Иоанн Златоуст, – *то и грех не истреблен, и смерть не побеждена, <…> и не мы только тщетно проповедовали, но и вы тщетно уверовали»* (Беседа 39 на 1-е послание к Коринфянам).

Своим искупительным подвигом Спаситель соединил Небесное и земное, Вечное и временное, Творца и творение, Бога и человека. Он преодолел ту пропасть, которая на заре истории отделила первых людей от их Создателя. Через нарушение данной им заповеди, через их непослушание Творцу в мире стали господствовать грех и смерть. *Когда же*, по слову апостола Павла, *пришла полнота времени, Бог ради нашего спасения послал Своего Единородного Сына, чтобы нам получить усыновление* (Гал 4:4-5).

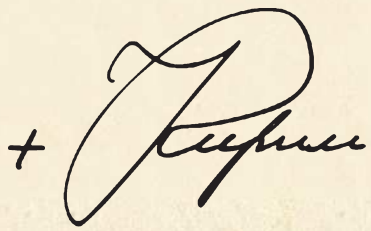
Христос, *как непорочный и чистый Агнец Божий, берет на Себя грех мира* (1 Пет 1:19; Ин 1:29). Являя послушание Небесному Отцу *даже до смерти, и смерти крестной* (Флп 2:8), Он приводит человечество к его Создателю, примиряет его с Ним. Будучи Сыном Божиим по природе, Он соделывает нас сынами Божиими по благодати. Господь открывает нам путь нравственного преображения и духовного восхождения к вечной и блаженной жизни с Богом *в невечернем дни Царствия Его* (Канон Святой Пасхи).

Освободив нас от рабства греху, сокрушив власть *мироправителей тьмы века сего – духов злобы поднебесных* (Еф 6:12), Господь возносится на небо, где восседает в неприступной славе одесную Превечного Отца. Одновременно Он не оставляет нас здесь, на земле, и неотлучно находится со Своими учениками, которые вместе образуют Его Тело – Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Христос, Ее Глава, ведет этот корабль спасения сквозь бурные воды житейского моря в тихую небесную гавань, где *будет Бог все во всем* (1 Кор 15:28).

Составляя Святую Церковь, мы, христиане, являемся продолжателями Его славной миссии в мире. Как многое множество бывших прежде нас братьев и сестер по вере – апостолов, жен-мироносиц, мучеников, святителей, преподобных и праведных, мы призваны *провозглашать имя Господа, возвещать в народах дела Его* (см. 1 Пар 16:8). Мы призваны проповедовать о Сыне Божием и Сыне Человеческом, Который по неизреченной любви к нам пролил за нас на Кресте Свою пречистую Кровь. Мы призваны и словами, и делами, всей своей жизнью свидетельствовать людям о Том, Кто *был изъязвлен и мучим за беззакония наши* (Ис 53:5) и *воскрес для оправдания нашего* (Рим 4:25).

Дорогие братья и сестры! Хотел бы вновь и вновь от всего сердца поздравить вас со светлым *праздником праздников и торжеством из торжеств – с Пасхой Божией спасительной* (Канон Святой Пасхи). Как наставляет нас святой апостол Иоанн, *будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, Который возлюбил нас и послал Сына Своего в умилостивление за грехи наши. Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга* (1 Ин 4:7, 10-11). Пусть эти дивные слова неизменно будут для нас руководством на всех путях жизни, пусть они вдохновляют нас на совершение добрых дел, на служение нашим ближним и дальним. Аминь.

Сей день, егоже сотвори Господь,
возрадуемся и возвеселимся в онь, ибо
ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!



Патриарх Московский и всея Руси

«Ныне вся исполнишася света:
Небо же, и земля, и преисподняя.
Да празднует убо вся тварь востание Христово,
в Нем же утверждается»

песнь 3, Пасхальный канон.

Возлюбленные о Господе боголюбивые пастыри, честные иноки и инокини, благочестивые миряне!

В благодарении Воскресшему Христу приветствую вас словами сердечного ликования о победе Любви Предвечной:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

О, сколько животворящей, всевосполняющей Благодати вновь изливает на нас Отеческое милосердие Творца и Бога! Да внемлем, да осмыслим, да возблагодарим Его своей жизнью – раскроем свое сердце Истине, выстрадавшей для нас Кровью Небесное родство, ибо *«благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа,* ***благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах****, так как* ***Он избрал нас*** *в Нем… чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив* ***усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа****… в Котором мы имеем искупление Кровию Его, прощение грехов, по богатству благодати Его»* (Еф 1:3-5, 7).

Дорогие, переживая сердцем Смерть и Воскресение Христово, я хотел бы обратиться к вам словами апостола – словами, осеняющими ищущую душу чистой, благодарной надеждой: *«Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими»* (1 Ин 3:1)!

Давайте хоть на мгновение остановимся мыслью на глубинном смысле этих слов Святаго Духа и постараемся осознать, что ради нашего усыновления Бог сделал непостижимое: пожертвовал Своим Пречистым Единородным Сыном, чтобы **воскресить многих грешников**, чтобы каждый из нас мог избрать Его Отцом и, стяжав от Христа сыновнюю любовь, уподобившись Ему в жертвенности, послушании и чистоте, мог вернуться в семью Любви Небесной – в семью-наследницу нескончаемой светлой будущности, где сердца объединены радостью вечной и совершенной, где торжество любви, которая *«никогда не перестает»* (см. 1 Кор 13:4-8).

Взгляните же на Воскресшего Христа, взгляните же и друг на друга новым взглядом! Осознайте – нет человека, пришедшего в этот мир без Божия благословения, ибо сказал Господь: *«Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю»* (Быт 9:1). А значит, и в радости Обетованного Отечества ценою Крови Искупителя уготовано место для каждого из нас.

Дорогие, мы возлюблены, выстраданы – мы призваны и избраны! Внемлите: земная жизнь – это дар, это испытание свободы нашего самоопределения. Приводя каждую душу от небытия в бытие, Господь смиренно, кротко ждет, непрестанно заботится о том, чтобы и мы избрали Его, возжелали стать Ему детьми, поправ со Христом ад в своей душе и со Христом воскреснув в Его святости. И только от нашего выбора зависит, не закопаем ли этот Отеческий дар, этот Небесный «талант» в землю, привязав свое сердце ко всему ложному, временному, греховному.

Из Священного Предания мы знаем, что есть смерть, ведущая к жизни, и есть жизнь, ведущая к смерти. Не где-то, не когда-то, но уже сегодня и сейчас, склоняясь к добру или ко злу, мы обретаем или первое, или второе. И только от того, как мы поступаем во времени, зависит различие грядущих воздаяний в Вечности. А значит, необходимо остановиться и задуматься: какой из земных путей мы выбираем? кому служим? к чему идем? Не попираем ли Кровь Христову, избирая путь отступничества – путь «сына погибели» (см. 2 Фес 2:3)?

Возлюбленные! Всё, что создано Богом, призвано служить и всё уже служит, и всё будет служить спасению всех, кто полюбит Его (ср. Рим 8:28). А унывающих и дремлющих в жизни сей Священное Писание возбуждает к бодрствованию, глаголя: *«Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и освятит тебя Христос»* (Еф 5:14). И если свой уповающий взор мы обращаем к Богу – радостно ликуют все Небеса, ибо *«...бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся»* (Лк 15:10).

Так да свершится Пасха и в нашей с вами жизни! «Давайте радоваться той Пасхе, которая происходит каждый день, – говорит преподобный Феодор Студит. – Что это за Пасха? Очищение грехов, сокрушение сердца, слезы бдения, чистая совесть, умерщвление земных членов: блуда, нечистоты, страстей, недобрых желаний и всякого иного зла». Ведь Пасха – это переход от смерти к жизни, переход от рабства египетского в землю обетованную, от временного бытия к Вечности, от рабства греху в свободу быть чадами Божиими, чего да сподобит всех нас Господь, возводя в «иного жития вечное начало»!

И потому, прославляя Господа, я вновь и вновь приветствую вас, дорогие отцы, братья и сестры, пасхальным приветствием – самым радостным приветствием на земле:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

† Никон

МИТРОПОЛИТ ЛИПЕЦКИЙ И ЗАДОНСКИЙ

Х
В

Слово 6:

О БРАНИ МЕЖДУ ПЛОТЬЮ и ДУХОМ в христианине

«Поступайте по духу,
и вы не будете исполнять вожделений плоти,
ибо плоть желает противного духу,
а дух – противного плоти:
они друг другу противятся,
так что вы не то делаете, что хотели бы»

(Гал 5:16-17).

Всякий христианин имеет двойное рождение:
ветхое и плотское, духовное и новое;
и одно другому противное.
Плотское рождение есть плоть, духовное есть дух.
Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух (Ин 3:6).
А поскольку оба эти рождения друг другу противны,
то возбуждается сражение и борьба
между плотью и духом в христианине.
Плоть желает противного духу, а дух – противного плоти.
Плоть хочет умертвить дух, дух же – плоть.
Плоть хочет покорить дух, дух же – плоть.
Плоть хочет властвовать над духом, дух же – над плотью.
Плоть хочет гордиться, возвеличиваться, превозноситься;
дух же не хочет, но хочет смиренномудрия.
Плоть хочет гневаться, злобствовать, ссориться,
делом или словом мстить,
но дух того не хочет, а хочет все кротко прощать.
Плоть хочет блуда и прелюбодеяния,

но духу то противно, и хочет он целомудрия.
Плоть хочет чужое похищать, красть, грабить всячески,
но духу то противно, и хочет он свое милосердно отдавать.
Плоть хочет лукавить, льстить, лгать, хитрить,
обманывать и лицемерить,
но дух все это ненавидит и хочет поступать по истине,
без лукавства и простодушно.
Плоть хочет в праздности жить, лениться,
но духу это противно, он хочет в благословенных трудах упражняться.
Плоть хочет гулять, пьянствовать,
банкеты и пиршества устраивать,
но духу это претит, он хочет умеренно жить или поститься.
Плоть хочет славы, чести, богатства в мире сем искать,
но дух все то презирает и к одним вечным благам стремится.
И прочее.
Так, плоть желает противного духу, а дух – противного плоти.
Христианину, как обновленному, не по плоти, но по духу должно жить
и плоть духу покорять по апостольскому увещанию:
«Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти» (Гал 5:16).
Это значит «распять *плоть со страстями и похотями»* (Гал 5:24),
«попечения о плоти не превращать *в похоти»* (Рим 13:14),
«удаляться от плотских похотей, восстающих на душу» (1 Петр 2:11),
«ходить в обновленной жизни» (Рим 6:4),
не позволять греху над собою царствовать (Рим 6:12),
жить для Христа, *«умершего за нас и воскресшего»* (2 Кор 5:15).
Возлюбленные христиане!
Осмотримся: имеем ли эту борьбу,
находимся ли в спасительном этом подвиге,
ходим ли в обновлении жизни,
противимся ли склонностям и похотям плотским,
не позволяем ли греху царствовать и владеть нами?
Ибо только те Христовы,
которые распяли плоть со страстями и похотями (Гал 5:24).
Что пользы называться христианином, но не быть христианином?
Христианина истинного показывает не имя христианское,
но подвиг против плоти и всякого греха.
Не все, что плоть требует, позволять ей должно.
Требует пищи, требует питья, требует одежды,
требует отдыха и иного, ей нужного, – дадим;
но когда хочет того, что воле Божией и закону Его противно, –
не позволим ей,
да не только по имени, но и по сути христианами будем.
Аминь.

«Нет ближе знакомства, нет теснее связи,
как связь единством мыслей, единством чувствований,
единством цели.
Где единомыслие, там непременно единодушие,
там непременно одна цель,
одинаковый успех в достижении цели.
Усвой себе мысли и дух святых отцов чтением их писаний.
Святые отцы достигли цели: спасения.
И ты достигнешь этой цели по естественному ходу вещей.
Как единомысленный и единодушный святым отцам,
ты спасешься»

Свт. Игнатий Брянчанинов.

Беседа с Высокопреосвященнейшим митрополитом
Липецким и Задонским Никоном

Чтобы сохранить на всю жизнь

«Вспомни,
что ты принял и слышал,
и храни и покайся»

(Откр 3:3).

О главной Сенсации

– Владыка, с годами становится особо заметно, как в среде православных верующих нарастает недовольство тем, что ныне в Церкви Христовой что-то идет «не так». Например, сетуют на нехватку опытных духовников, которые могли бы помочь безбедно преодолевать земной путь, на то, что требования слишком строгие, а любви и понимания не сыщешь… Доходит до того, что, не найдя удовлетворения, люди «опускают руки»: ослабевают в вере, отчаиваются, а то и вовсе в брани отходят от Церкви.

Наверняка Вашему опытному архипастырскому взгляду очевидны истинные причины такого внутренне апатичного состояния верующих. Быть может, у нас сбились «ориентиры» – и Вы подскажете, на что обратить внимание, что исправить, чтобы не оказаться в рядах отступающих?

– Думаете, многие прислушаются? Вряд ли. Эта проблема действительно вызывает немалую обеспокоенность и требует внимания – внимания ДВУСТОРОННЕГО. Но диалог, как правило, не складывается, т.к. внутренний слух у людей нынче реагирует только на сенсации. А **сенсационных** рецептов и новостей у меня нет.

– Почему?

– Ну что тут добавишь, когда все уже сказано?

Главная сенсация в истории человечества уже состоялась, «ориентиры» полноценной жизни (не только земной, но и вечной) нам заповеданы – все тайны истинного благоденствия раскрыты. А ради того, чтобы мы проснулись, прислушались и изменили свою жизнь, родился, благовествовал, взошел на Крест, умер и воскрес Господь. Что можно добавить, если через апостолов Сам Дух Святой проповедовал человечеству о Небесном призвании и предназначении, ради которых мы приведены в земную жизнь, проповедовал о том, что душа создана вечной для восприятия совершенства радости Божией. Но это произойдет только в том случае, если здесь, во временной жизни, она станет сосудом благодати Его Духа, Христовых добродетелей. Поэтому если действительно многие желали бы воспринять эту величайшую из сенсаций на все времена, эту весть о спасении и сам Божий дар, завещанный каждому из нас без исключения, мы с Вами и теперь жили бы в обществе святых, очень счастливых людей.

Ничего нового и не добавишь. Все заповеданное нам доступно в Священном Писании. И если бы мы изучали и усваивали эту евангельскую науку земного бытия, нам и самим было бы совершенно очевидно, что нет и не может быть никакого уныния, никакой апатии у души, если она – причастница Духа Божия, Его благодати. И если наша вера оскудевает – значит, оскудевает в сердце Благодать. Значит, нужно срочно задаться вопросом: со Христом ли я? Не потерял ли я связь с Его Церковью, не отстою ли где-то поодаль, на пути, совершенно противоположном спасительному?

«Жажда» или «анафема»?

– Так неужели действительно бывает, что, находясь при храме и принимая участие в Таинствах, мы можем оставаться не причастными Христу и Его Церкви? Кажется, что это уже сенсация…

– Но услышать и принять такую мысль будет возможно только тому, кто понимает, что заблудился, и искренне ищет возвращения на путь Божий. Такой душе Господь обязательно поможет встрепенуться. А остальные скажут: «Так ведь это уже было, это мы уже слышали, это мы уже знаем, а потому нам это уже не особо-то и интересно…» И к сожалению, сегодня большинство людей, считающих себя христианами, мыслит и чувствует именно так. Понимаете, мы не теряем уверенности, что причастны к Распятой и Воскресшей Истине, однако пренебрегаем Его Жертвой!

– Но как? Действительно сложно принять такое слово – непонятное оно, невместимое. В чем причины?

– Одна из причин такого состояния возведена в современном мире до уровня абсурда – это жажда новостей. Мы тратим далеко не бесконечное время и силы своей земной жизни на поиск «новых версий» и «обновлений» законов бытия духовного, физического, материального. Мы хватаемся за современные псевдонаучные трактаты, сомнительные изыскания, душепагубные практики: «Ну наконец-то! Наконец-то человечество раскрыло очередную тайну – ту недостающую "деталь", без которой здоровая "жизнь полная чаша" не возможна!»

В погоне за сенсациями мы совершенно не замечаем, что без таких новинок уже не мыслим своего существования. Мы думаем: если это ново и модно

– значит, истинно, а потому требует изучения и усвоения. Вот такой жаждой «новеньких истин» мы отвергаем и попираем ЕДИНСТВЕННУЮ ИСТИНУ, оставленную Господом ценою Его Крови. И конечно же, ТО, что утвердил Бог, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ изменено, отменено или обновлено человеком. Священное Писание – свод законов древних, но действующих НЕИЗМЕННО во все времена, доколе будет существовать земля и жизнь на ней.

– Ну неужели в этой, казалось бы, простой обыденной привычке начинать и заканчивать день изучением новостей кроется такая опасность?

– Отвечу кратко: здоровая душа будет утолять свою жажду чтением Священного Писания, искренней молитвой, открывающими ей живое общение с Богом, наполняющими ее благодатью Святаго Духа.

Посмотрите, что происходит: жажда новостей и спрос на сенсации настолько велики, что даже СМИ уже не успевают «прокормить» такие аппетиты и наполняют пространство нашей жизни лавинами быстро сменяющейся псевдосенсационной информации – недобросовестной, противоречивой, ложной, еретической, богохульной. Всем этим мы напитываем свою душу и не замечаем, как новости становятся для нас наркотиком.

Да, эта болезнь опасна, и, по мере развития в душе человека, она начинает требовать удовлетворения во всех сферах жизни, не исключая и Православие. Но в Православном вероучении не может быть ничего нового! Никто не смеет дерзать учить чему-то новому, об этом мы упреждены Духом Святым: *«Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам **НЕ ТО, что мы благовествовали вам**, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам **не то, что вы приняли**, да будет анафема»* (Гал 1:8-9).

Когда блокируется слух

– Владыка, Вы упомянули, что помочь нам сложно, потому что диалог не складывается. Это ведь должно быть поправимо. Что можно изменить?

– Вот приходят к тебе совсем разные люди, ищут встречи, а ради чего? Одни, усвоив где-нибудь в интернете очередную ложь, находятся в поиске тех «духовных таблеток», которыми бы устранялись житейские проблемы. Другие приходят для того, чтобы осудить Церковь, где «всё не так», чтобы пожаловаться на священнослужителей, которые «оскуде», на требования церковных канонов, которые «устарели», на пост, который «слишком»… И просят: «Ты нам благослови как-нибудь по-другому…»

О чем это говорит? О том, что мы переступаем порог храма не ради того, чтобы исследовать и исцелить свою душу, не ради того чтобы сердцем стяжать Благодать и усвоить истину Божию, а ради того, чтобы сформировать для себя «удобное» верование и обольститься мыслью, что православно спасаемся… Поэтому, имея такие цели, на страдание мы обрекаем себя сами, поскольку за истину приняли ложную идею не только о себе, но и о Церкви, и о Христе, и о Его учении.

Конечно, такие заблуждения всегда входят в душу болезнью. Но если мы упорствуем, ища причину своих страданий не в себе, а исключительно в том, что где-то, кто-то, что-то «не так» или «оскуде», – значит, наше духовное состояние стремительно близится к окаменнному нечувствию, к унынию, к потере веры, о чем Вы и спрашиваете.

И вот понимаешь, что люди сбились с пути, заблудились, мучаются, пытаешься подсказать: «Дорогие, смысл нашей жизни совсем в другом – он в спасении… а спасение – в заповедях… в покаянии, в посте, в молитве, в добрых делах наше врачевство». Но, как правило, услышав даже намек на то, что нужно не виноватых искать, не обидчиков перевоспитывать, не церковную жизнь переустраивать, а СВОЮ пересмотреть и направить силы совсем в иное русло, – люди обижаются, разочаровываются, и у них словно блокируется слух: «Да мы это всё уже слышали, знаем… Ну что ты нам опять говоришь о молитве? Читаем мы молитвослов, когда получается. И вообще, это ВЫ тут мол***и***тесь, коль пошли путем монашеским… Пост? Ну, постимся как-то – другие еще хуже… Добрые дела? Так мы вообще-то добрые… Заповеди? А что "заповеди"? Ладно, ты хоть помолись о нас, а мы будем искать старцев, которые бы открыли нам будущее. Кто-то же должен нам открыть, как всё желаемое реализовать в действительность».

Что тут скажешь? Говорить о спасении можно много, но желающих услышать и сердцем воспринять духовный совет – единицы.

– Но ведь почему-то люди продолжают ездить, искать старцев, продолжают спрашивать…

– Спрашивать-то спрашивают… Но, действительно, о чем?

С какой бы радостью и я поехал к настоящим старцам! Их жизнь такая светлая, чистая, как снег, искрящийся на солнышке… Как же хочется вот так еще пожить, подышать их чистым воздухом, пообщаться с чистыми душами, напитаться от них благочестием, любовью, благодарностью ко Господу, ревностью к молитве, к посту, к сердечному подвигу!.. И ведь можно о многом расспросить – можно ТАКУЮ пользу приобрести! И если сохранить и усвоить услышанное, увиденное, то хватит на всю жизнь. Хватило бы… Если бы мы старались всё это вместить… Но мы цели такой не ставим. До боли жаль, что и из общения со старцами, со старицами – с людьми святой, благочестивой жизни – пользу обретают лишь единицы.

– Но почему так происходит? Ищем «новенького»?

– Страшно еще и то, что мы жаждем не просто «нового», но чтобы подходящее нам «новое» звучало от лица Церкви, из уст старцев… Мы, вероятно, сами того не понимая, хотим, чтобы и они отвергли евангельское учение…

Но не может быть и не будет ничего подобного в той жизни, где торжествует вера и верность, где не иссякает память о Боге, где естественное движение, естественная потребность сердца – сораспятие и совоскресение Господу, где душа полагается ради спасения ближних. Там всё дышит по-евангельски, по-святоотечески. Там молитва – не тягота, а живая радость богообщения, восполняющая силы, согревающая и освящающая душу благодатью Христова Духа…

Настоящие старцы имеют драгоценный опыт церковной, истинно христианской, спасительной жизни – жизни во Христе. Но для того чтобы и нам получать пользу в общении с ними, нужно, как минимум, поставить пред собой ТЕ ЖЕ жизненные цели. Иначе для привязавших сердце ко всему земному, материальному, новому, для ищущих всего пусть тленного, но удобного и развлекательного – благочестивая жизнь так и останется непонятной, невместимой, обременительной. Потому и слух такого сердца блокируется…

– Скажите, ну вот откуда берет начало такая пугающая глухота?

– Так происходит, когда в фундамент духовной жизни НЕ заложена **ЖАЖДА БОГА**, когда мы НЕ утвердили **ДЕЛО СПАСЕНИЯ главной целью** своей жизни, главной целью своего нахождения в Церкви Христовой, тогда даже разговоры о посте, о молитве, о терпении, смирении, жертвенности, о других деталях духовной жизни будут доставлять нам большую тягость, и ум откажется их принимать. Я не говорю ничего нового, потому что еще апостол Павел упреждал, что «будет время, когда ***здравого учения принимать не будут***, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и ***от истины отвратят слух и обратятся к басням***» (2 Тим 4:3-4).

Чтобы хватило елея

– Ведь действительно не оставляет чувство, что в нашем современном осмыслении практического христианства будто бы еще не обнаружен тот главный «тумблер», переключив который мы обрели бы иное качество жизни, о котором Вы говорите.

Дорогой Владыка, пожалуйста, подскажите: чего же на этом пути нам сегодня так остро не хватает? Что нужно пересмотреть и исправить, чтобы режим душевного изнеможения сменился бы воодушевлением и чистой надеждой на то, что и НАМ Любовью Божией откроются Небесные чертоги. Очень бы хотелось не только услышать Ваше слово сердцем, но и сохранить его на всю жизнь.

– Наш свт. Тихон Задонский говорит: «Если человек ищет спасения, то ради этого сердечного залога (устремления) он спасен БУДЕТ». Но, опять же, люди скажут: «Ну разве мы не хотим спасения? Мы же в монастыре подвизаемся, в церковной жизни участвуем, в святых Таинствах! Значит, и спасены будем».

Да, мы участвуем, мы внешне благочестивы, мы много знаем, мы многое слышали и пока еще помним.

Но почему же расслабление, нерадение, недовольство, ропот, малодушие, осуждение, нелюбовь стали практически постоянным качеством нашего существования?

Вспомните, КАКАЯ скорбь звучит в словах Господа в Откровении: *«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч;* ***о, если бы ты был... горяч!»*** (Откр 3:15). И это сказано именно нам: мы ТЕЛОХЛАДНЫ, мы СЕРДЦЕМ к Нему НЕ ГОРИМ! Мы так привыкли пребывать в лоне Церкви, но при этом сердцем ощущать дефицит Благодати Духа Божия, что уже почитаем такое оскудение своей души за норму.

Дорогие мои, если сегодня наше сердце не встрепенется, не пробудится жаждой ко спасению, то, когда придет время выйти навстречу Спасителю Христу, светильники наших сердец окажутся оскудевшими, темными, холодными. Так жаль... Мне бы так не хотелось наследовать участь юродивых дев (см. Мф 25:1-13) – они ведь тоже вместе с другими ждали Жениха, но только светильнички их потухли.

Понимаете, им же ЕЛЕЯ не хватило...

И чтобы такой трагедией не обернулось наше бытие, нужно пересмотреть свое отношение к делу спасения.

У нас есть пример: давайте задумаемся о том, КАК свой земной путь в Вечность прошли наши отцы, настоящие

старцы – схимитрополит Серафим (Мажуга, † 1985, Тбилиси) и схиархимандрит Виталий (Сидоренко, † 1992, Тбилиси)[1]. Те, кто внимал их жизни, их отеческому слову, говорят: «Оба старца были непостижимо благостны, кротки, смиренны, и при этом крайне немощны физическим здоровьем. Однако сердце Владыки было подобно огненному столпу, обращенному к Небу, а сердце отца Виталия – живой самораспинающейся жертвой за каждого человека». И сколько душ преобразилось Благодатью под их отеческим покровом!

Да и у нас есть драгоценный святоотеческий опыт благочестивого прохождения земного пути – это неоценимый кладезь практической животворящей евангельской мудрости. Но мы не сможем услышать, запомнить, сохранить и исполнить слово наших духовиков и старцев, если прежде не приложим усилий разбудить в СВОЕМ СЕРДЦЕ жажду спасения – эту живую ЖАЖДУ БОГА, смиренное, но ГОРЯЧЕЕ СТРЕМЛЕНИЕ собирать, усваивать и бережно хранить благодать Его Духа.

Не нужно унывать и сомневаться: Господь помогает ВСЕМ! Но для этого наше СЕРДЦЕ должно ГОРЕТЬ СТРЕМЛЕНИЕМ ко спасению всю жизнь. Старайтесь кропотливо наполнять светильники своих сердец благодатью Святаго Духа. Будьте серьезны в этом стремлении, выполняя любое дело: молитесь ли вы, поститесь ли, служите ли ближнему, – приносите Господу свои труды с таким сердечным расположением, которое могло бы собрать и усвоить ВСЮ росу благодати Божией, подаваемую Господом в изобилии всем искренно, по-сыновнему любящим Его.

А ведь о Задонской обители, о нас с вами пред Престолом Божиим у наших старцев горит свеча и ныне. Нам бы только не отступить, не потерять, не забыть тот путь, которым они прошли из времени в Вечность и на который поставили нас. Молитвами наших старцев Господь привел нас под омофор Пресвятой Богородицы и свт. Тихона Задонского, а время нашей скоротечной жизни уходит неумолимо, все забывается, и, если не восстать из падений и не утвердиться на этом пути сейчас, быть может, завтра мы уже и не сможем вспомнить, что восприняли…

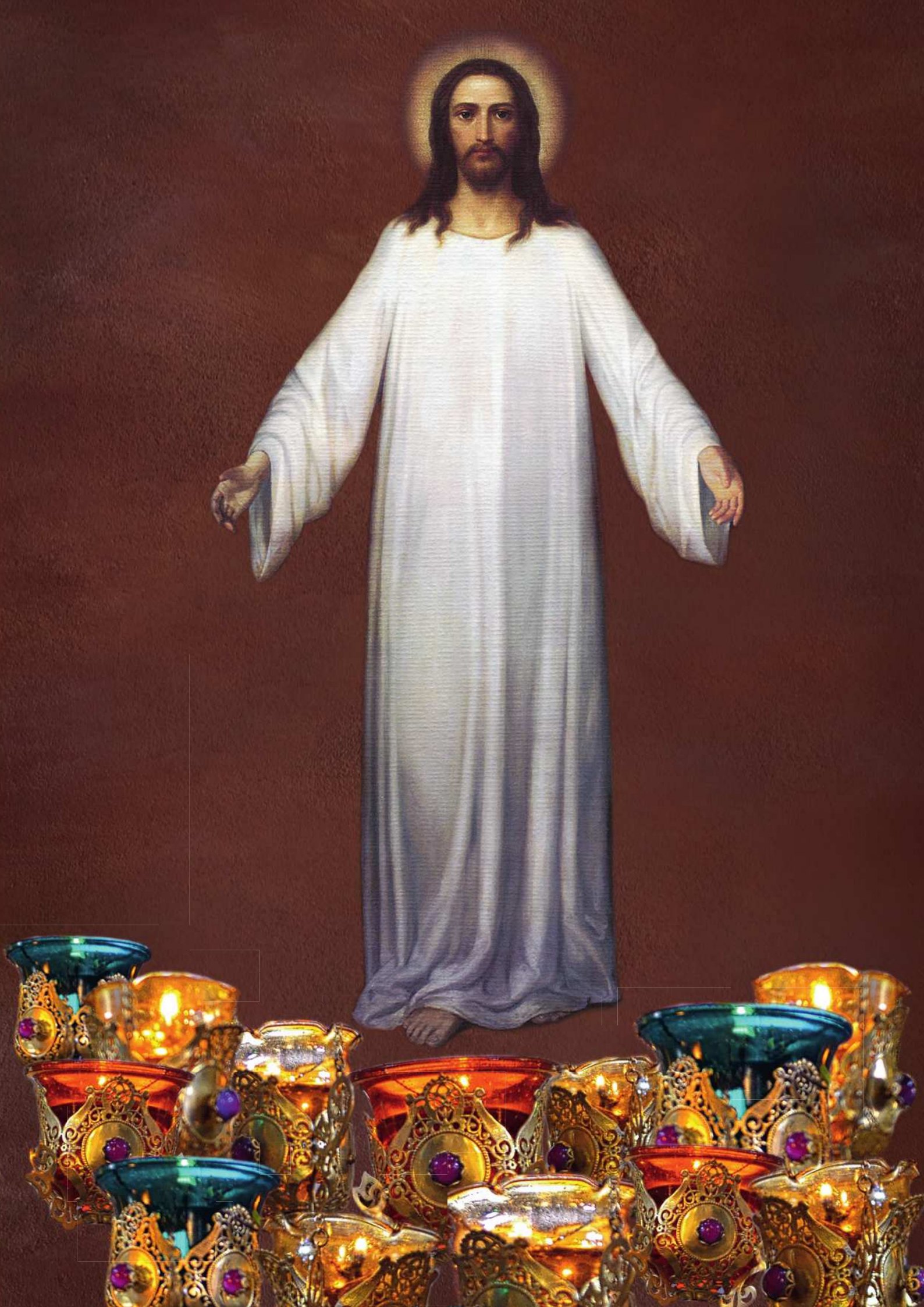
Мои дорогие братья, мои дорогие сестры, пока мы живы, Своим Промыслом Господь подаёт нам ВСЁ! Но обратится ли Его забота нам во спасение, зависит ТОЛЬКО от нас – последнее слово ВСЕГДА за нами. Поэтому ищите, осваивайте на деле все, что СЕГОДНЯ подается для вашего спасения.

И да поможет вам Господь исполнить Его завет:

*«**Вспомни**, что ты принял и слышал, и **храни** и **покайся**»*
(Откр 3:3).

---

[1] Преподобные глинские старцы – духовные наставники митрополита Никона.



Наш дорогой Владыка и Отец!
Поздравляем Вас с Пасхой Христовой!

Сердечно благодарим за Вашу мудрую преданность святоотеческой традиции послушания и старчества, за Вашу отцовскую жертвенность, молитвенную любовь, за долготерпеливую чистую надежду, которыми Вы покрываете путь каждого из нас. Плоды Вашего труда теперь уже навсегда напечатлены свидетельством духа на скрижалях наших сердец. И мы славим Господа за этот драгоценный дар!

Мы искренне молим Его о Вашем здравии, укреплении, долгоденствии, чтобы Божие благословение и впредь пребывало на всех Ваших начинаниях. Мы приносим покаяние, чтобы не прервалась нашим нерадением сыновняя преемственность Его любви – кроткой, смиренной, радостной, но мужественной, верной, жертвенной, животворящей.

Епископ Усманский Евфимий, архимандрит Трифон и братия Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря.

Памяти схиархимандрита Виталия

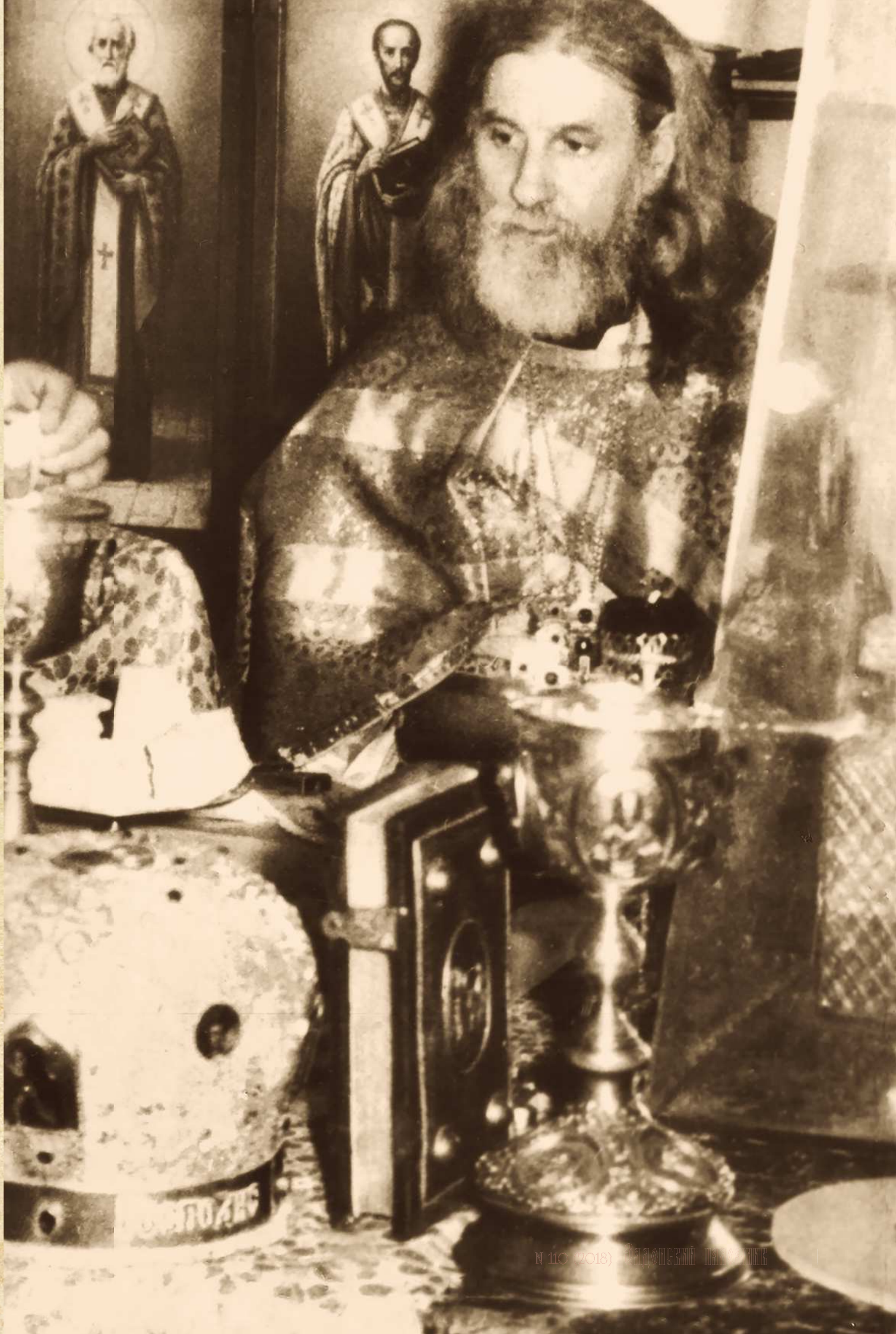
«Если б вы смирялись и имели любовь...»

Возлюбленные!
Поздравляем с Великим и Божественным праздником
Святого Воскресения Христова и тако возопiим:
Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ
и сущим во гробех живот даровав!
Передаем великое всем почтение.
Милость Божия с Вами да пребывает,
а Вашими Святыми молитвами
и нам одна радость о Господе.
За все благодарим.
Любящие дети Ваши.
Простите.

Из воспоминаний духовных чад старца

«Вниду в дом Твой,
поклонюся ко храму святому Твоему в страсе Твоем» (Пс 5:8)

Как-то мы с Батюшкой были на службе в Сионе – Патриаршем соборе в Тбилиси. Выходим, направляемся к воротам – вдруг отец Виталий быстро поворачивается к храму, делает во дворе земные поклоны и целует землю. А потом объяснил мне: «Вот так надо любить храм».



N 110 (2018) ЕДАНСКИЙ ПРОЛОГ

Литургия

Батюшка очень любил совершать Литургию, но из-за болезни не мог делать это часто. И если нам, его чадам [священникам], доводилось сослужить ему, мы понимали, как далека наша служба на приходе от службы с Батюшкой в храме Александра Невского!

Подготовка к Литургии

Батюшка служил истово, с большим благоговением. После всенощного бдения он оставался в алтаре и всю ночь вынимал частицы. Частичка у него была с манное зерно. И вот этой «манки» был целый дискос: за все синодики. Если оставалось время, проходил по храму, читал тропари и кондаки святым, Матери Божией, Спасителю. Лобызал иконы, делал поклоны. Это была его подготовка к Литургии.

На службе

Когда о. Виталий стоял на службе, то никогда не смотрел никому в глаза или по сторонам – всегда смотрел вниз. Однажды мы стояли с ним рядом на службе: Батюшка читал молитву, а я что-то рассматривал. Он на меня поглядел и говорит: «Нужно молитву творить…»

Чтобы за престолом стояли как свечи

Когда мы [священники] служили с Батюшкой в храме Александра Невского в Тбилиси, отец Виталий напоминал нам, чтобы вели себя внимательно и хранили благоговение. Помню, во время службы он мне говорил: «Не рассеивайся, не рассеивайся». А было действительно какое-то рассеяние: или отвлекся чем-то, кем-то, кто-то пришел, или ещё что… Конечно, это нам не положено. Но в настоящее время не в каждом храме такое правило, чтобы всё было сосредоточено на богослужении, чтобы все были в молитве. Обычное явление: кто-то мешает, кому-то нужно что-то спросить или, допустим, священник должен стоять за престолом, а сам ходит и кладет на тумбочку или на окно служебник; нужно прочесть какую-нибудь молитву – бежит за этим служебником, берёт, идет к престолу, читает… И вот все эти действия, конечно, отнимают у нас сосредоточенность в службе, поэтому читаем слова молитвы чисто механически. А Батюшка требовал, чтобы мы за престолом стояли как свечи, чтобы мысли наши были только в молитве и все действия наши четко совмещались с действиями Божественной Литургии.

«Он обратился к людям, а не к Матери Божией»

Однажды я приехала в Грузию, пришла на Дидубе – Батюшки нет, его увезли на Московский проспект. Я отправилась в храм узнать, когда там будет отец Виталий. Матушка Мария сказала, что он не придет, и велела приехать на Московский к такому-то времени. Вдруг смотрю: идет Мария-хроменькая с молодым приезжим монахом из Загорска. Увидела меня и говорит монаху:

– Вот она тебя к Батюшке проведет.

И он ко мне буквально «прилип»:

– Как бы мне попасть к Батюшке? Помогите, пожалуйста. Вы же можете, я знаю.

Я отвечаю:

– Я не могу Вас к нему провести – мне нужно сначала спросить на это благословение, я же не могу своевольничать.

– Ну давайте мы на такси поедем – я подожду в машине, а Вы спросите.

– Нет, так я покажу Вам, где Батюшка находится…

Отнекиваюсь, отнекиваюсь – и матушка Мария заходит. Я говорю:

– Матушка, вот тут монах – он хочет попасть к Батюшке.

Она:

– А, вот как! Сейчас разберемся! – пошла, переговорила с ним, но не допустила к отцу Виталию.

Он потом подходит ко мне и говорит:

– Лицезрел я вашу матушку – строга!

строга!.. – ну, так ни с чем и уехал…

Приезжаю я к отцу Виталию и рассказываю:

– Батюшка, так и так: один монах приехал, Мария-хроменькая его ко мне подвела – хотела, чтобы я помогла с Вами встретиться. А матушка пришла и не допустила.

Отец Виталий спрашивает:

– А знаешь, почему он ко мне не попал?

– Нет.

– Потому что он обратился к людям, а не к Матери Божией. Если бы он сначала попросил Матерь Божию, он бы увиделся со мной.

А тот монах сразу начал искать человека, который имеет доступ к Батюшке…

«Если б вы смирялись и имели любовь…»

Мы скорбели, что мать Мария многих не допускала до Батюшки. А он говорил: «Если б вы смирялись и имели любовь, стена бы сама разошлась и мы увиделись». А мы же, как люди, как человеки, – немощные. Кого-то осудишь или еще что… А Батюшка говорил: «Если бы вы смирялись, то стена бы расступилась». И всегда подчеркивал, что нужно умолять Матерь Божию.

«Молитвами отца Виталия…» (случай с собакой)

Жили мы у раба Божиего Иоанна. Батюшка у него временно находился – как бы на отдых приезжал на месяц. Жена Иоанна, Лидия, торопясь на работу, говорит мне однажды:

– Валя, там в летней кухне картошка доваривается – ты, когда она будет готова, принеси ее домой и поставь на стол.

Я кивнула – дескать, всё сделаю. На том вроде бы дело и закончилось… Но только я собралась идти на летнюю кухню, как Батюшка останавливает меня и начинает рассказывать: где-то у кого-то была собака и она бросилась на человека. Я все это выслушала и поняла, что отец Виталий не зря мне это, наверно, говорит: у хозяев была большая собака. Выглянула я во двор – собака где-то далеко, на другом конце. Вышла из дома и пошла на кухню. Взяла картошку, иду обратно. А собака в это время пришла и легла на порог. Я на нее: «Пошла!» – она не уходит. Гнать веником – боюсь. Начала ей картошку в сторону бросать: думала, что она за ней побежит, – она ни с места! Думаю: «Буду сидеть, ждать: может, меня разыскивать начнут? Спохватятся, что я пошла за картошкой, а меня нет и нет», – в доме кроме Батюшки был и еще один раб Божий – диакон. Ждала-ждала, потом осмелилась: взяла веник и начала прогонять собаку веником – безрезультатно! Что же мне делать? Уже и картошка остыла. Думаю: «А, будь что будет! Господи, молитвами отца Виталия – благослови!» – и перешагиваю через собаку с кастрюлей картошки!

Захожу в дом – Батюшка на меня смотрит: меня же долго не было. Начинаю рассказывать ему, как собака пришла и легла на пороге, но не говорю, что я сказала «молитвами отца Виталия».

Говорю:

– Я через нее перешагнула и пошла.

Приходит матушка Мария – отец Виталий ей говорит:

– Мать, тут у нас что было!.. Валя пошла на летнюю кухню, а собака легла… – рассказывает все по порядку. – …А Валя и говорит: “Молитвами Владыки Зиновия, Господи, благослови!” Перешагнула – и собака ее не тронула!»

«Молитвами отца духовного…»

Батюшка говорил нам, что на свою молитву никогда не надо уповать и надеяться, а всегда нужно прибавлять «молитвами отца нашего духовного…» или «…матери духовной…». И рассказывал случай, как в монастыре [в Глинской пустыни] отец Серафим (Романцов) послал его на послушание куда-то в сарайчик.

Отец Виталий подходит – и вдруг видит беса! Батюшка перекрестил себя и его – нечистый хохочет. Сотворил молитву и снова его перекрестил – враг опять хохочет! Тогда отец Виталий наложил крестное знамение со словами: «Молитвами отца моего духовного Серафима изыди вон!» И лукавый тут же исчез, с досады пригрозив: «До гробовой доски, до последнего вздоха я тебе не дам покоя!..»

О том, что надо молиться за духовного отца

Батюшка просил молиться и за него: «Если вы все за меня будете молиться по капельке, и мне легче будет. Это как если бы на меня двигался большой зверь, а вы все бросили в него по маленькому камешку – и прогнали зверя. Так и здесь: если даже понемножку за меня молитесь, то и этим помогаете мне».

«Ваши святые молитвы ограждают меня»

Как-то отец Виталий рассказал нам одну притчу:

– У одного отца было много детей. Однажды на него напали разбойники и стали его бить. Дети услышали и прибежали: кто с вилами, кто с топором, кто с ножом – кто с чем. Побили этих разбойников и освободили отца… Вы что-нибудь поняли?

Мы отвечаем:

– Нет, Батюшка, ничего не поняли.

– Отец – это я, отец духовный.

А дети – это вы все. Мне помогают ваши молитвы. Но кто как молится: у кого на нож хватает, у кого на топор, у кого на вилы. Эти ваши святые молитвы и ограждают меня.

Из писем старца

Поздравляем с Божией Пасхой: Христос Воскресе!

Надо Господа за всё благодарить. Не ропщи, а потерпи. Не смущайся, не соблазняйся, всех люби, Господа [о помощи] проси, советуйся. Не вдруг всё делается, а постепенно. Со временем всё будет [хорошо]. Потерпи, всё Господь устроит. Всегда молись, да кайся, берегись гордости, смиряйся, себя вини и с Богом вечно живи. Аминь.

Дети Ваши благодарные.

За свою жизнь надо благодарить Бога

За свою жизнь надо благодарить Бога, ибо Он благ, ибо во век милость Его. Всех надо прощать – и Господь Вас простит. Прощайте, любите – и не будет ни отчаяния, ни скорби.

Вести себя при условиях раздражительных нужно так: молчать и про себя читать «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных».

«В терпении вашем стяжите души ваша». И паки: *«Претерпевый до конца, той спасен будет»,* – рек Господь. Он да благословит всех Вас, прощая грехи, украшая добродетелями, веселя и радуя Ваше сердце, ибо рекли уста Его пречистые: «Грядущего ко Мне не изжену вон».

Челом Вам до лица земли, целуем:

Христос Воскресе! Да радуется душа Ваша о Воскресшем Господе, Ему слава. Аминь.

Чтобы Вам с Господом счастливо жить...

Благослови Вас Господи и Божия Матерь, посылая великие и богатые Свои милости дому Вашему и всем о Господе подвизающимся! Дай Боже всем, всем, всем Вам крепкого здравия, добродетелями украшение, в подвигах успехов и вечное спасение изавсемилости,щедроты,заботы,любовь и Святые молитвы сторичным награждением. Всегда свеча горит за Вас всех. Господа умоляю, чтобы Вам с Господом счастливо жить. Аминь.

Любящие дети Ваши. Простите.

Христосъ Воскресе!
Христосъ Анести!
Христе Азга!
Христосъ Резурекъ!
Возлюбленные! Благослови
васъ Воскресший Господь
своего Небесного Десницею,
утеши, пошли скорое здравие
съ благополучиемъ благословенное и вечную жизнь. Только
благодарите Его Благодетеля,
ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ
милость Его. Святая вѣзга
отъ руки Митрополита
Зиновия, Святый Антидоръ,
Божественный елей и соборное
и отъ Иерусалима съ Гроба
Господня со всеми Святыми
мѣстъ Иверіи и Святой Матуш
Руссии. Пребыстая Пречистая
Божия Матерь да
будетъ всегда съ вами.
Аминь. Любящие благо
желатели ваши. Прес

Полночь святая на землю слетела,
Гулко, торжественно медь загудела;
Злоба забыта, душа ожила.
Плачьте же очи слезой умиленья:
Ночь обновленья пришла.
Братския в храме слилися лобзанья –
В них на любовь, на добро упованье
О, как отрадны заветы небес!

Братья, ликуйте с душой умиленной:
Светоч вселенной Воскрес!
Лейтесь, трезвоны, вы в даль голубую,
Утра встречайте зарю золотую,
К жизни будите и долы и лес:
Ныне Вселенная – счастья обитель;
Ныне Спаситель Воскрес!
Христос Воскресе!

Автор неизвестен
(Из писем схиархимандрита Виталия)

Из бесед с кавказским пустынником

Жажда Бога

«Насколько человек благодарит Бога
и подвизается понудить себя из любви к Нему,
настолько и Бог приближается к нему дарованиями Своими
и желает успокоить его и сделать,
чтобы он предпочитал безмолвие и нестяжание
всем царствам земным»

Прп. Петр Дамаскин.

4 июня 2019 года исполняется десять лет с того дня, к которому кавказский пустынник, иеромонах Мардарий (в схиме – Алексий) благоговейно, воодушевленно готовился всю жизнь. Батюшка говорил: «Когда ты чувствуешь присутствие Бога, ты готов еще больше скрыться от всего: от всех и вся, – лишь бы только с НИМ пребывать». Эти краткие слова отражают весь смысл, всё содержание его христианской жизни. Пустынник всецело посвятил себя Богу, Которого так жаждал, Которому был послушен, Которого обрел… А поэтому порог в Вечность для отца Мардария стал лишь последней преодоленной преградой на его пути в объятия Отча.

О жизни батюшки мы расспросили иеромонаха Константина – пустынника, единомысленно жившего рядом с ним почти сорок лет.

Мы с другом (будущим монахом Давидом) начали свое пустынножительство в горах Кавказа в июне 1973 года. Из родного Киева уезжали с решимостью оставить мир с его греховным образом существования – ради того, чтобы посвятить свою жизнь Богу и последовать Ему неотступно. Наше стремление было искренним и горячим, мы верили, что Господь Сам непременно позаботится о нас.

Это немного другая история, но, действительно, каждый наш шаг не оказался случайным. Забота Свыше была явной: Промысл Божий привел нас именно туда, где, как оказалось, уже несколько веков подвизались пустынники – носители древних монашеских традиций богоугодного аскетического жития. Жития, которого мы так жаждали. И пусть первых пустынников мы встретили лишь спустя несколько месяцев своего пребывания в горах, но через каждую встречу с опытными монахами Господь действительно изливал Свой бальзам на наши жаждавшие Его души. Братия показали нам пустую келью и разрешили поселиться в ней, но было сказано: «Для того чтобы жить в пустыни, нужно иметь благословение старца пустыни – схиархимандрита Серафима (Романцова)[1]». Благословение было получено, поэтому милостью Божией наше вхождение в аскетический мир пустынножителей свершилось под его старческим покровом и руководством.

Келья, в которую мы поселились, служила «перевалочным пунктом», где, порою преодолевая долгий путь, братия, жившие в отдаленных уголках, могли остановиться и передохнуть. Поэтому с той поры наши встречи и знакомства с другими пустынниками стали более частыми. От них мы узнали о том, что в этой местности подвизается батюшка Мардарий – опытный монах и пустынножитель. Мы очень ждали встречи с ним, но произошла она не сразу.

Однажды под вечер слышим:

– Молитвами святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас.

Отмечу, что замков на пустыннических кельях никогда не было, не было даже и прибоя . Традиция такая – каждый раз на подходе к той или иной келье читаешь молитву до тех пор, пока не услышишь в ответ: «Аминь», – только тогда можно войти. Если же ответа не последует, и видно, что дверь снаружи прикрыта на крючок – значит, внутри никого. Тогда заходи и отдыхай.

И вот, услышав, что к нам идет кто-то из братии, мы выглянули и с радостью отвечаем:

– Аминь!

Видим: опираясь на палки, приближаются два человека с тяжелыми ношами. Подойдя уже совсем близко, они вновь читают молитву, а мы вновь с тем же воодушевлением:

– Аминь!

– Так здесь кто-то поселился, кто-то еще к нам в пустыньку пришел! Да они молодые! Слава Богу! Слава Богу!

Мы с Давидом взяли у пришедших благословение, отцы вошли в келию и по пустыннической традиции первым делом поблагодарили Богородицу – прочитали «Достойно есть».

Познакомились: это были иеромонах Мардарий и иеродиакон Алипий. Обрадовались еще больше – наконец-то! Предложили путникам трапезу: пусть хлеба у нас не было, но зато была гречневая каша и кипяток (который пустынники называют «чаем»). Перекусили, и завязался оживленный разговор. Очень хотелось узнать о батюшке побольше: каждая судьба – это водительство Божие, и мы дорожили возможностью услышать и воспринять опыт благочестивой души, откликнувшейся на живую заботу Господа. А потому с нашей стороны посыпались вопросы. Мы расспрашивали: как

и откуда батюшка сюда попал? каким был его прежний образ жизни? каков уклад настоящий? Отец Мардарий охотно отвечал и со своей стороны тоже расспрашивал нас о многом.

Радость переполняла нас еще и потому, что, как оказалось, много лет назад в пустынь отец Мардарий приехал (так же, как и мы) из Киева. Мы с удовольствием слушали батюшку. Надо сказать, нас сразу расположила к нему его мирная, спокойная, благостная речь: она лилась как приятный тихий ручеек. Наш первый ознакомительный разговор длился довольно долго, мы и не заметили, как наступила глубокая ночь.

Утром, исполнив обычное правило, попив «чайку», мы отправились в путь вместе с отцами, чтобы помочь им донести ноши. Как-то матушки-пустынницы рассказали нам, что пока отец Виталий (Сидоренко) жил в пустыни, то, несмотря на тяжелую болезнь (у него была открытая форма туберкулеза), он всегда старался помочь им с ношами. Делал он это так: поскольку эти матушки были постарше и одна из них страдала плохим зрением, они, естественно, шли медленно, а отец Виталий брал ношу и быстро уходил вперед. Добравшись до их кельи, он пек лепешки на соде, возвращался по тропе, угощал матушек горячими лепешечками, а сам брал их ноши и снова нес в келью. Мы сразу же усвоили эту традицию, с грузом старались поступать так же, только лепешки печь не успевали.

К сожалению, нынешняя молодежь этих традиций не сохранила…

---

[1] Глинский и Сухумский старец схиархимандрит Серафим (Романцов) прославлен Церковью Христовой в лике преподобных. По новому стилю память совершается 1 января и 22 сентября.

Желание сердца

Однажды на фотографии я увидел отца Мардария в молодости – это был довольно красивый парень с темными, вьющимися, невероятно густыми волосами. И эта пышность сохранилась у него до пожилого возраста. Было крайне удивительно, что после стольких лет жизни, проведенной в пустыни, его волосы оставались такими же богатыми, но только уже украшенными сединой.

Вернусь к главному. В молодости, избирая жизненный путь, Михаил Данилов (так звали отца Мардария в миру) стоял перед очень серьезным и весьма непростым выбором. К Богу его сердце горело всегда. Он жил и работал в Херсоне. Храм посещал обязательно: иногда пономарил, но в основном пел и читал на клиросе, – у него был очень тонкий слух и замечательный голос. Там он познакомился с девушкой Анной, она тоже несла клиросное послушание. Отношения между молодыми людьми были благочестивыми, дружескими, но, вероятно, каждый из них подумывал о семье. Дело в том, что в советское время (когда за веру преследовали, могли запросто уволить с работы или исключить из учебного заведения) встретить молодежь в храме было большой редкостью. Понимаю, каково было внутреннее борение юноши, ведь в таких условиях перспектива создания семьи с единомысленной верующей девушкой представлялась единицам.

Но, вероятно, в большей мере сердце молодого человека искало единения со Христом. Поэтому, оттолкнувшись от всего, что ценно для традиционной мирской жизни, он избрал путь монашеского жительства – путь всецелого

посвящения себя одному лишь Богу. Окончательно определившись в этом вопросе, однажды, после службы Михаил сказал Анне:

– Я решил идти в монастырь, а ты к чему склоняешься?

От неожиданности девушка растерялась – огорчилась, конечно, сильно. Но, собравшись, ответила:

– Тогда я тоже иду в монастырь.

На том и расстались.

Пути Господни неисповедимы. Михаил был зачислен в число братии Киево-Печерской Лавры, где сначала нес послушание канонарха, а затем стал келейником владыки.

И вот, по прошествии лет десяти, произошел такой случай. К владыке приехала игуменья Черниговского монастыря с келейницей. Проводив матушку на прием, отец Мардарий вдруг узнал в ее келейнице ту самую Анну! Их разговор был недолгим, но радостным. Он увидел в ней твердую в вере и строгую в сердечных намерениях монахиню, чему весьма возрадовался и сохранил эту благодарность Богу на всю жизнь.

В пустынь

В 1961 году советская власть закрыла Киево-Печерскую Лавру. Отец Мардарий на тот момент был иеромонахом и получил долгожданное благословение от архиерея продолжать свой монашеский путь на Кавказе. Надо сказать, что уже в те времена у батюшки просматривалась душевная жажда уединения – ему хотелось пребывать с Богом один на один. И Господь повел его этим путем.

Перед поездкой на Кавказ батюшка сподобился общения с одним затворником по имени Александр, жившем в сыром подвале. Но общение не было долгим, потому что вскоре подвижник заболел и умер. Похоронив его, отец Мардарий поехал на Кавказ. Встретившись со схиархимандритом Серафимом (Романцовым), он получил благословение перебираться в пустынь (в район горного озера Амткел).

В то время в этой местности подвизались отец Кассиан (Ермаков), отец Виталий (Сидоренко), отец Меркурий (Попов) и отец Ахилла (Орлов). Братия очень обрадовались, что в пустынь пришел священник. Все они жили неподалеку друг от друга, но, так как батюшка все же искал полного уединения, пустынники построили ему новую келью на довольно большом расстоянии от их скита – чтобы добраться до нее, требовалось полдня пути. На праздники отец Мардарий приходил к пустынникам, чтобы поисповедовать их и причастить. Перед тем, как приступить к Таинствам, они все вместе совершали суточный круг богослужения. Так пустынники прожили около десяти лет – до тех пор, пока в 1968 году в этой местности не начались милицейские облавы на монахов. Братиям пришлось перебраться в горы повыше.

«Вино и елей»

Старцу Серафиму (Романцову) в то время было уже глубоко за восемьдесят, поэтому он был вынужден выйти из пустыни и остаться жить в городе.

Высокогорную братию он благословил оставлять келью и спускаться к нему только за разрешением наиболее важных вопросов, а бытовые решать со священниками на месте.

Поскольку в то время каждый выход был сопряжен с опасностью попасть за решетку, бывать в городе часто нам не доводилось – шли по мере накопления вопросов. А для того чтобы навыкать послушанию ежедневно, старец благословил нас с Давидом отсекать свою волю друг перед другом, слушаясь брат брата.

В то время в нашей местности среди пустынников иеромонахов было всего двое: отец Гавриил и отец Мардарий. Батюшка Гавриил жил с тремя послушниками совсем неподалеку от нас с Давидом. Они часто приходили за водой к роднику, который находился возле нашей кельи. А мы бывали у них, чтобы поисповедоваться и причаститься. Неожиданно отношения с отцом Гавриилом осложнились тем, что он начал требовать от нас полного послушания и поставил условие: «Или всё, или ничего!» А это означало: или мы принимаем его помощь с исповедью, причастием, в каких-то материальных вопросах, или, в случае отказа, к нему больше не обращаемся.

Наше недоумение было сильным, поэтому, чтобы разрешить его, я отправился к отцу Серафиму. Рассказал ему о таком смущении, батюшка спросил:

– А у тебя есть доверие к отцу Гавриилу?

– Я потому к Вам и приехал, что полного доверия нет, я колеблюсь.

– Как же ты пойдешь к нему в послушники, если у тебя нет доверия?

– Но он же все-таки иеромонах! Приглашает нас, чтобы советовались с ним.

– Советуйся с братом.

– Я помню Ваше благословение, знаю, что живу с братом Давидом по Воле Божией, а иеромонах советует мне иное.

– Советуйся с братом.

Я в третий раз спрашиваю:

– Бывает, что иеромонах говорит одно, а монах Давид другое – получается как бы разногласие и расхождение.

– Советуйся с братом.

Так, выслушав все мои недоумения, старец трижды сказал: «Советуйся с братом», – утвердив тем самым ранее данное нам благословение.

И тогда, во избежание смущений, мы начали ходить за духовным советом к отцу Мардарию. Он жил от нас намного дальше, но зато каждый раз после общения с ним душа избавлялась от многих смущений и получала утешение.

Конечно, мы не могли не заметить, что отец Мардарий старался проводить жизнь безмолвную и удалялся от лишних посещений и общений, а потому без особой нужды старались его не тревожить: только при необходимости исповеди, причастия или если возникал серьезный духовный вопрос. Когда же ему нужна была физическая помощь (заготовить дрова или поднять в келью тяжелые ноши), он предупреждал об этом заранее. Впоследствии мы считали материальную заботу о нем своим долгом.

После смерти отца Серафима с батюшкой мы советовались уже по всем вопросам. Он стал нашим духовником на многие годы.

Отношение к ближним

Когда в Сухуми приезжал архимандрит Тихон (Агриков), отцы-пустынники приходили к нему для духовной беседы. Мне рассказывали, как, говоря о воспитании послушников, он советовал на их души «возливать вино и елей» (ср. Лк 10:33-34). По евангельскому слову «вино» означает строгость, а «елей» – это мягкость. И мы с Давидом поняли, что Господь для нашего воспитания и дал нам двух разных наставников: отец Гавриил строгий – это «вино», а батюшка Мардарий – это «елей». Мягкость отца Мардария обуславливалась тем, что он

был человеком безмолвия, жил один пред Богом. Ему не требовалось внешне подстраиваться под окружающих – каким он был пред Господом, таким он был и с ближними.

Как и отец Виталий, в каждом кающемся он прежде всего видел чадо Самого Бога. Даже человека серьезно согрешившего он не травмировал, не прилагал рану к ране, а старался уврачевать его нужным словом, утешить, помочь вернуться на путь спасения и вооружиться на дальнейшую борьбу с грехом, чтобы душа освобождалась от страстей. Такой искренний, благоговейный, совершенно естественный подход к душе человека действительно приносил благой плод – был очень полезен и спасителен.

Конечно, в общении отец Мардарий не скрывал своего искренне любвеобильного отношения к нам, да это было и не нужно. Но в то же время он и не потакал нашим грехам и страстям. Если требовалось, он мог быть и строгим, мог дать епитимию. Но все это гармонично соответствовало мягкости и благоговейности его души. В зависимости от меры содеянного греха он, бывало, говорил мне: «Ну что же ты? Ты понимаешь, насколько это серьезно и какие могут быть последствия?» А в другой раз: «Ну, потерпи, потерпи, миленький, это надо перетерпеть».

Все, кто хоть раз общался с отцом Мардарием, не могли не отметить его благодушия и мирности, его мягкого и неконфликтного характера. Во время жительства в районе Келасури его посещала братия из разных мест страны: из Москвы, из Киева, с Урала… Каждый приносил какую-то мысль, свою идею, свое видение, начинал что-то доказывать батюшке… Он послушает, послушает, одно скажет, другое скажет, что-то еще попытается донести, но, если видит, что человек не слышит, не принимает его советов, говорит: «Вот, миленький, да, да, скорбно, скорбно, миленький… очень скорбно», – и всё. В таких случаях отец Мардарий никогда не вступал в противоречие, никогда не спорил и тем фактически исполнял заповедь апостола: *«Не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих»* (2 Тим 2:14).

Для нас этот пример был очень важен, поскольку в нас бурлила молодость, горячность. Бывало, обсуждая что-то прочитанное из святых отцов или Священного Писания, каждый пытался отстоять свое видение. А потому возникали споры, иногда на повышенных тонах. У отца Мардария все было совсем иначе…

Самоотречение и воздержание

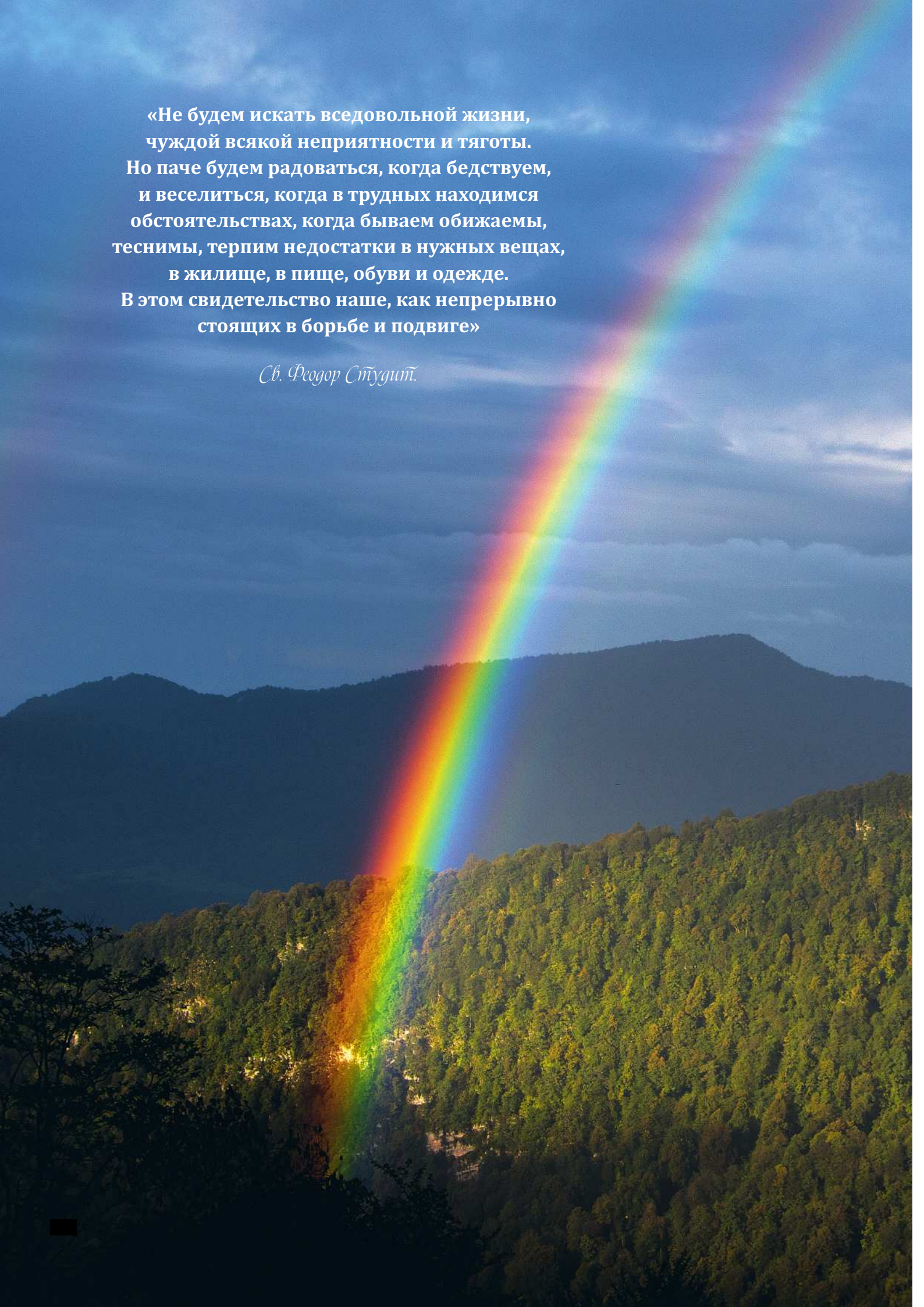
Надо сказать, что от отца Мардария мы стремились воспринять не только образ его обращения с людьми, но и образ его отношения к одежде, к питанию, к молитве, к терпению болезней...

А к себе батюшка был крайне строг.

Настрой у него был очень аскетичный, и это проявлялось во всем. Например, когда мы шли по горной тропе, как правило, заправляли подрясник, как рубашку, чтобы полы не цеплялись за ежевику и кустарники. А батюшка не делал этого никогда, поэтому снизу его подрясник превращался в лохмотья, но он совершенно не обращал на это внимания.

Одевался отец Мардарий по заповеди Христовой: *«Не облачитися въ две ризе»* (Мк 6:9), – поэтому всегда надевал только подрясничек, изрядно потрепанный временем, и тонюсенькие синие спортивные брючки. Рубашек у него не было. Зато имелась куртка на случай холодной дождливой погоды.

Если говорить о еде, то нельзя было не заметить, что отец Мардарий всегда воздерживался от всего вкусненького и приятненького. Если не было физической нагрузки (заготовки дров, заноса



**«Не будем искать вседовольной жизни,
чуждой всякой неприятности и тяготы.
Но паче будем радоваться, когда бедствуем,
и веселиться, когда в трудных находимся
обстоятельствах, когда бываем обижаемы,
теснимы, терпим недостатки в нужных вещах,
в жилище, в пище, обуви и одежде.
В этом свидетельство наше, как непрерывно
стоящих в борьбе и подвиге»**

Св. Феодор Студит.

продуктов на зиму, иной тяжелой работы), батюшка вкушал пищу и пил воду один раз в день – после трех часов.

«Меню» его не менялось никогда. Постоянной едой отца Мардария была гречневая каша и селедка (в те дни, когда разрешалось Уставом). Все знали годовой запас батюшки: для него покупалось десять килограммов селедки, ее чистили, резали кусочками, складывали в алюминиевый бидон, заливали постным маслом и осенью поднимали к нему в келью. Для него это был самый большой «деликатес», даже несмотря на то, что со временем (особенно после зимы) эта селедка становилась откровенно «ржавой» и приобретала характерный запах протухшей рыбы. А когда летом мы приходили к батюшке, отец Мардарий радушно угощал нас самым дорогим для него продуктом – этой самой селедкой. Для нас, конечно, съесть ее было за героический подвиг, но мы старались ничем себя не выдавать.

Хлеба себе батюшка не пек и вовсе. Когда ему приносили муку, он брал кастрюльку, кипятил воду и, старательно помешивая, потихоньку подсыпал в нее муку. Получался густой-густой кисель, который можно было резать ложкой. Отец Мардарий в шутку называл это блюдо «гомолой». Фрукты он себе не заготавливал, овощи тоже – ни картошки, ни свеклы, ни моркови, чтобы сварить суп или борщ.

Так и получалось, что в течение многих-многих лет пустыннической жизни постоянной трапезой батюшки была вареная гречневая каша, которую он накладывал в маленькую алюминиевую мисочку, сверху – кусочек селедки, а на нее – кисель-гомолу вместо хлеба. Иногда добавлял ложку растительного масла. Чай батюшка не пил, только теплую или холодную воду, иногда с медом, сахар почти не употреблял.

Нужно отметить, что отец Мардарий, как и отец Виталий, очень строго относился к Божией заповеди: *«Соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало»* (Ин 6:12), – поэтому не позволял себе выбрасывать продукты, даже если они испортились.

Однажды произошел такой случай. Перед каким-то праздником батюшка пришел в келью к братиям отца Гавриила. Обнаружив у них сильно заплесневевшую капусту и другие продукты, чтобы не было ни на ком греха, решил все это доесть – и очень серьезно отравился. В это время мы с Давидом, ничего не подозревая, тоже пришли на праздник в эту келью и увидели, что отец Мардарий уже ни на что не реагирует – у него начались судороги. Мы сразу же принялись делать ему искусственное дыхание, массаж сердца и конечностей до тех пор, пока он потихоньку не начал приходить в себя. Слава Богу! Но надо сказать, что и после этого случая отец Мардарий продолжал так же строго хранить эту добродетель. Так что у отца Виталия в исполнении этой заповеди были и ученики, и последователи.

Вот такое, на самом деле, у него было самоотвержение – настоящее, серьезное, постоянное! Это было деятельное подражание и воплощение в жизнь святоотеческой традиции, о которой мы неоднократно читали в святоотеческой литературе.

Вспоминается случай из Отечника о том, как однажды к амме Сарре пришли иноки. Она предложила братии обед и поставила на стол яблоки (часть из них были полугнилыми). Когда братия закончили трапезу, амма Сарра вернулась и увидела, что из предложенных все гнилые яблоки съедены, все же хорошие остались на столе. После того, как братия ушли, она сказала:

– Сегодня я принимала настоящих монахов.

Ее спросили:

– Как Вы это поняли?

– Потому что пищей для себя они выбрали все самое худшее, оставив лучшее ближним.

Так и мы, общаясь с отцом Мардарием, видели наглядное воплощение святоотеческого слова – он был настоящим монахом. И это проявлялось во всем…

Несмотря на то, что за советом к отцу Мардарию стремились многие люди, сам он старался быть незаметным, искренне считая себя никуда не годным: нигде «не высовывался», все тихонько, тихонько, чтобы никому в глаза не бросаться, чтобы никто не знал, что он, где и как.

Помню, однажды батюшка пожаловался: «Я спустился в город, пришел в храм. Стою тихонечко в уголочке. Но кто-то там сказал обо мне архиерею. Владыка подозвал меня и говорит:

– Отец Мардарий, ну что же ты? Раз пришел в город, надо бы тебе и Литургию послужить.

– Да нет, Владыченька, нет.

– А почему же нет?

– Ну, потому что я же уже давно не служил. Я там, в пустыньке, сижу и давно не служил. Уже все забыл – боюсь, чтобы не согрешить.

– Вот и хорошо, вот и хорошо.

– А что, Владыченька, хорошо?

– Вот как раз и вспомните. Послужите, и обязательно вспомните.

Так я и попался – пришлось служить».

Но в пустыни все было по-другому. Когда мы приходили к батюшке в воскресный или праздничный день, обязательно совершали суточный богослужебный круг. Вечерню отец Мардарий знал на память, а утреню, поскольку там кафизмы и каноны, приходилось читать по книгам. Полунощницу исполняли чаще по четкам, но, бывало, и на память. После общих утренних молитв добавляли свое правило по четкам. Часы и обедницу батюшка знал наизусть.

Он всегда мягко так говорил:

– Ну, теперь вечерню исполним.

А потом, если вдруг перерыв, то сели, посидели, помолились. Потом слышим:

– Ну, теперь давайте утреничку… А теперь часы и обедничку…

Никогда не забывая, что мы предстоим пред Самим Господом, читал батюшка всегда очень искренне, не быстро и не медленно, но внятно и понятно. Чтение для него было формой выражения благодарности Богу и благоговения перед Его Величием. Во время совершения суточного круга отец Мардарий почти постоянно молился стоя на коленочках, в некоторые моменты он в умилении воздевал руки к небу – казалось, он ощущал присутствие Самого Творца. Жаль, что такое предстояние на молитве сегодня встречается все реже.

Причащался батюшка со трепетом и страхом Божиим, перед Святыней всегда клал земные поклоны.

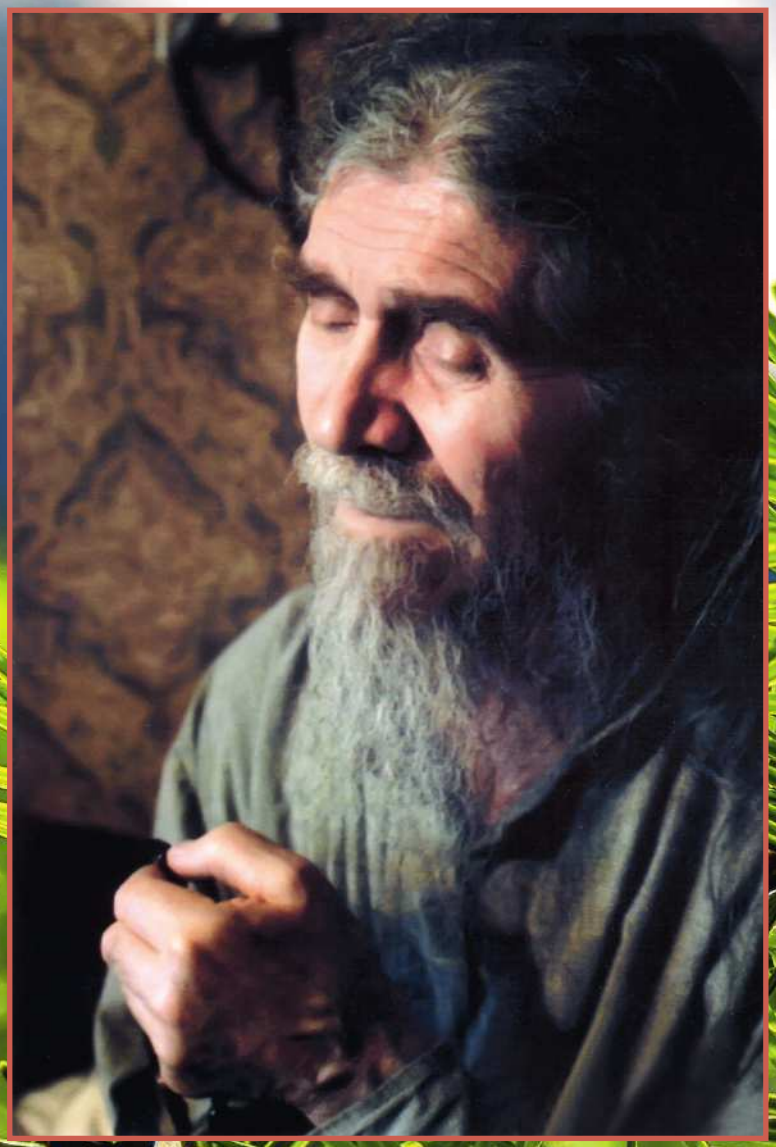
Очень прилежно относился отец Мардарий к Иисусовой молитве, был искусным ее делателем. Помню, с каким благоговением и умилением он делился с нами:

– Сидишь в своей келейке, лампадочка горит, вокруг снег лежит на метр или два, и – ни души! Только птички иногда чирикают. А ты пред святым уголком и спокойно из самого сердца произносишь молитву ко Господу…

А иногда так:

– Как же чувствуется, что Господь – вот Он! Ты Его не видишь, но знаешь, что Он здесь присутствует. Живой Бог пред тобой! И в ТАКОЕ состояние душа приходит, в ТАКУЮ радость, что ты готов еще больше скрыться от всего, от всех и вся, лишь бы только с Ним пребывать, – невозможно передать, с каким благоговейным трепетом он говорил об этом. Отец Мардарий жаждал Бога всем своим существом. И, вероятно, поэтому время совместной молитвы с батюшкой всегда и для нас обращалось в велию радость и утешение.

Продолжение следует



Притча о стуле

Старик умирал. Дочь попросила священника прийти помолиться о здравии ее больного, лежачего отца. Зайдя в комнату, священник увидел возле кровати стул и подумал, что к его приходу готовились.

– Вы меня ожидали? – спросил священник.

– Нет, а кто Вы? – спросил больной.

– Я священник. Ваша дочь пригласила меня помолиться с Вами о здравии. Когда я увидел пустой стул рядом с Вашей кроватью, предположил, что Вы знали о моем визите.

– Ах да, стул, – сказал больной и, понизив голос, продолжил, – я никому об этом не рассказывал. Всю сознательную жизнь я ходил в церковь и слышал там постоянно, что всегда надо молиться, что молитва много дает человеку, согревает его сердце. Но все молитвы входили мне в одно ухо и выходили из другого. Я не мог их запомнить – быть может, потому, что они не трогали меня; а потом я перестал молиться.

И только пару лет назад, один хороший друг сказал мне, что молитва – это просто разговор с Богом. Он посоветовал мне сесть на стул, а другой поставить напротив и представить сидящим на нем Иисуса Христа. «Он ведь сказал нам: *"Я с вами во все дни до скончания века"* (Мф 28:20), – сказал мой знакомый. – Потому рассказывай Ему обо всем, что волнует тебя, и внимательно слушай, как ты слушаешь меня сейчас».

Я попробовал. Мне так понравилось, что я ежедневно по несколько часов начал мысленно беседовать с Богом, представляя, что Он сидит рядом со мной. Но только я старался, чтобы этого не видела моя дочь. Она могла бы смутиться, решив, что я повредился рассудком.

Священник порадовался за болящего и посоветовал ему не прекращать свои беседы с Богом. Затем он помолился над ним, благословил его и ушел. Спустя несколько дней к священнику пришла та же женщина и сказала, что её отец умер. Священник спросил:

– Как он ушел?

– Было два часа дня, когда отец позвал меня, – ответила девушка. – Он сказал, что сильно любит меня, и поцеловал. Я ушла в магазин. Когда вернулась, нашла его бездыханным, но что-то в его смерти показалось мне странным. В последние минуты папа, по-видимому, собрал все оставшиеся силы, оторвался от подушек, подвинулся к стулу, который стоял рядом с его кроватью, и положил на него голову. Именно так я его и нашла. Как Вы думаете, что бы это могло значить?

– Дай Бог каждому так уйти, – ответил священник, вытирая слезы. – Будьте уверены, этот стул не был пустым.

Слава Богу за всё!

Вечное

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо – тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души…
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Все, что дразнило уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к Солнцу от червя.

И Тот, Кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим усладам
И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли, –
Положит посох, обернется
И скажет просто: «Мы пришли».

Николай Гумилёв
(1886-1921)

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ о святителе Тихоне Задонском

Рубрика «Малоизвестные факты о святителе Тихоне Задонском» основана на небольших исследованиях наследия святителя Тихона, которые ведутся в нашем монастыре. Сердечная любовь к святителю побуждает нас постараться не упустить ни одну из драгоценных черт его жизни и творчества, а также не забыть о тех тружениках, которые собирали по крупицам информацию об угоднике Божием. Надеемся, что все более глубокое и полное познание жизни и трудов Задонского святого будет возогревать в сердцах читателей желание подражать его праведной жизни.

Благослови нас, святителю отче наш Тихоне!

Иеромонах Гавриил (Мельников)

«ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ» *в творчестве* свт. Тихона Задонского и становление русского языка[1]

«Духовный регламент»[2], созданный в 1718-1721 гг. еп. Феофаном Прокоповичем (с 1718 г. – епископ Псковский, с 1725 г. – архиепископ Новгородский), нередко и справедливо порицался как законодательная основа и рациональное обоснование для упразднения канонического строя Русской Православной Церкви. Однако его влияние на духовную культуру России не следует рассматривать только в негативном ключе. С одной стороны, последствия осуществления неканонических идей «Регламента» сглаживались, очищались, направлялись ко благу Промыслом Божиим: «Духовную Коллегию, которую у протестанта перенял Петр, Провидение Божие и церковный дух обратили в Святейший Синод» (свт. Филарет Московский). С другой стороны, «Регламент» имел и созидательный потенциал. Даже «сторонники старины», по мнению самого крупного исследователя «Регламента» П. В. Верховского, «с течением времени были покорены второй частью – практической». «Источниками второй части „Духовного Регламента“, в общем, были данные живой русской действительности, – подытоживает этот ученый свое исследование. – Всевозможные упущения, большие непорядки, суеверия, обрядоверие, лицемерие, недостаток просвещения и т. д. – вовсе не были новостью для Руси петровской эпохи… Не сочувствовать доброму желанию насадить поклонение Богу „в духе и истине“, конечно, никто не мог, а вторая, практическая часть, „Духовного Регламента“ для начала XVIII века была наиболее совершенным сводом того, на что церковной и государственной власти давно следовало обратить более энергичное внимание. И надо отдать справедливость, для русской цивилизации руководившаяся „Духовным Регламентом“ – Духовная Коллегия [Священный Синод]

---

[1] Впервые статья опубликована в «Вестнике Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика», 2019 г., №1.
[2] Далее по тексту – «Регламент».

сделала в два столетия очень много. Понятно поэтому, что вторая, практическая, часть „Регламента“ в связи с цивилизаторской деятельностью Духовной Коллегии заслонила собою первую – теоретическую часть, вводившую в русскую жизнь новые начала в противоречие чистым началам христианства и вековым традициям православного церковного права».

В данной работе мы покажем, как созидательный потенциал практической части «Регламента» выразился в творческом усвоении некоторых его замыслов и идей святителем Тихоном Воронежским, Задонским чудотворцем.

Молодой епископ Воронежский и Елецкий Тихон (он же – Задонский), как и прочие архиереи, был обязан руководствоваться «Регламентом» и его органичным продолжением – «Прибавлением о правилах причта церковного и чина монашеского», написанным тем же автором. В шестом пункте «Прибавления» все священники обязываются либо иметь экземпляр печатного «Регламента», либо переписать для себя его значительную часть («правила общих дел», «правила мирским лицам» и «священникам правила» из «Прибавления»). При объездах же епископом приходов священники должны были правила «Регламента» «объявить архиерею», т.е. «сдать экзамен» на знание «Регламента». Свт. Тихон указом от 24 марта 1766 г. определяет всем священникам Воронежской епархии в течение полугода приобрести в Воронеже «печатные духовные регламенты» (они стоили 34 копейки); «и купя, часто бы те регламенты читали и по нему поступали непременно», «а ежели который поп… регламента иметь не будет» или «в противность того регламента поступать станет, то с тем, яко преступником, поступлено будет по строгости законов без всякого упущения».

Несомненно, что неукоснительно исполняли «Регламент» и сами архиереи, что доказывается указами свт. Тихона, где он постоянно руководствуется «Регламентом» наряду с канонами Церкви, указами монархов (в частности, Петра I, Екатерины II, Елисаветы Петровны), указами и определениями Сената и Синода, а также иногда уставными указаниями требника Петра Могилы. Он признает обязательность для священников в силу данной ими присяги норм церковных канонов, «Духовного Регламента» и «Генерального Регламента», «Соборного уложения», указов монархов и прочих государственных законов. Обращает на себя внимание тот факт, что каноны церковные (правила святых отцов) свт. Тихон ставит в этом перечне на первое место.

Несмотря на приоритет, отдаваемый свт. Тихоном церковным канонам, у исследователя может возникнуть впечатление о чрезмерном, «рабском» его следовании государственному регламентированию церковной жизни. Может показаться, что святитель, как и вся иерархия, был настолько запуган показательным процессом над священномучеником Арсением (Мацеевичем)[3], что и шагу не смел ступить без сверки своего «курса» с государственной политикой. Суд над сщмч. Арсением Мацеевичем роковым образом

---

[3] Сщмч. Арсений (Мацеевич), митрополит Ростовский. В 1763 г. лишен сана за противостояние политике Императрицы Екатерины II по изъятию церковных имений и закрытию многих монастырей. В 1772 г. умер в заточении. Ныне прославлен РПЦ в лике священномучеников.

сказался на состоянии здоровья свт. Тихона, однако нет оснований говорить о его якобы рабской покорности правительственному «курсу». Напротив, будущий святой вполне свободно и творчески использовал положительный потенциал «Регламента», что доказывается следующими соображениями:

- Во-первых, свт. Тихон активно использовал «Регламент» и до устрашающего суда над сщмч. Арсением Мацеевичем, найдя в нем нечто полезное для нужд Новгородской семинарии и нечто перекликающееся с его личным опытом. Действительно, самое раннее дошедшее до нас сочинение святителя Тихона «Инструкция для Новгородской семинарии» (9 октября 1761 г.), написанная им в тот период, когда он нес попечение о своей alma mater в качестве ее ректора и викарного епископа Новгородского, содержит *пять ссылок на «Регламент»* и *не менее десяти выражений, явно заимствованных* из этого документа. Фактически «Инструкция» 1761 г. является кратким приложением положений «Духовного Регламента» к местным условиям Новгородской семинарии. В этой «Инструкции» будущий великий духовный писатель заимствует из «Регламента», в частности, упрощенную педагогическую идею: *духовное чтение и дисциплина* ведут *к преображению личности*. Свою педагогику свт. Тихон впоследствии значительно углубит, однако важно то, что «Духовный Регламент» намечает достойную, воистину духовную, цель педагогического воздействия: человеку «грубых нравов» «претвориться аки бы в *иного*», его «уму просветиться», «воле исправиться».

К моменту создания «Инструкции» (1761 г.) епископу Тихону, по-видимому, было известно из опыта, что значит «претвориться в иного». Келейник святого передает нам его воспоминание из лет учительства в семинарии в 1754-58 гг.: «В месяце мае ночь была весьма приятная, тихая и светлая – я вышел из кельи на крыльцо… и, стоячи, размышлял о вечном блаженстве. Вдруг небеса разверзлись, и там такое сияние, и светлость, что бренным языком сказать и умом понять никак невозможно… и я от того чудного явления более горячее желание возымел ко уединенной жизни; и долго после оного видения чувствовал и восхищался умом, да и ныне, когда вспомню, то ощущаю в сердце моем некое веселье и радость». А другой келейник сообщает, что «небесное отверстие это и в Воронежской епархии повседневно ему воображалось, так что беспрерывно побуждало его, оставив трудное, важное и опасное правление пастырской должности, идти, для лучшего и удобнейшего получения вечного блаженства, на жизнь уединенную». Подобное видение божественного света вряд ли могло быть чисто внешним и не сопровождаться опытом внутреннего просветления.

«Регламент», таким образом, изображал как цель то, что молодой подвижник вкушал в самом опыте (столь несложные слова «Регламента» о претворении ученика «в иного» внутренне были свт. Тихону близки, возможно, на весьма глубоком уровне).

Однако праведник еще был не столь искушен в духовном делании, чтобы представить своей пастве со всею глубиной путь к воспроизведению этого опыта преображения. Склонный к молитвенному уединению до епископства, совершенно не стремившийся к высокому сану и неожиданно его получивший, он, вероятно, чувствовал себя в первые годы

своего архипастырства (Новгород: 1761-63 гг.; Воронеж: 1763-1767 гг.) не вполне уверенно в этой высокой роли. Не удивительно поэтому, что он ищет надежную опору для своих действий в положениях «Регламента», подтвержденного авторитетом императора, Сената и Синода, дающего руководство во всех основных направлениях архипастырской деятельности.

- Во-вторых, «Регламент» и помимо указанного места о преображении человека «в иного» декларирует цель христианской жизни вполне корректно: «Ведал бы всяк Епископ меру чести своея… дело пастырское имеет весь поспех и плод от самого Бога, *в сердцах человеческих действующаго*… Убо точию внешнее дело пастырское есть проповедати, настояти, запрещати благовременно и безвременно, и обряды Таин Святых строити. Дело же внутреннее, еже *обращати сердца* к покаянию и *обновлению жития*, есть Единаго Бога, Благодатию Своею чрез слово и тайнодействие пастырей, аки чрез орудие, невидимо действующаго». О власти епископа предавать анафеме «Регламент» учит, что она должна использоваться *«в созидание, а не на разорение»*, что о тяжком грешнике сперва нужно молиться всей общине верующих «Богу, да *умягчит его жестосердие*, и да *сердце чисто сотворит в нем* и преклонит его к покаянию». О епископе, объезжающем епархию, в «Регламенте» говорится: «слово скажет к священству и народу *о покаянии истинном* и всяких, наипаче же священническаго чина, должностех». Так и все священнослужители призываются проповедовать «твердо, с доводом Священнаго Писания *о покаянии, о исправлении жития*, о почитании властей, паче же самой высочайшей власти Царской, о должностях всякаго чина. Истребляли б суеверие, вкореняли б в сердца людския *страх Божий*. Словом рещи: испытовали б от Священнаго Писания, что есть *Воля Божия*, святая, угодная и совершенная, и то б говорили».

За такие слова не упрекнешь автора «Регламента» ни в протестантизме, ни в формализме (хотя в других отношениях Феофан Прокопович навлек на себя подобные нарекания). Это учение о «истинном покаянии», состоящем в «исправлении» «грубых нравов» и «жестких сердец», «обновлении жизни», «очищении сердца», совершающемся Духом Святым в душах людей через Таинства церковные и проповедь Слова Божия, через жизнь в страхе Божием, следование Воле Божией и исполнение христианами своих обязанностей («должностей»). Данную концепцию «Регламента» было незазорно использовать как ориентир молодому благочестивому архипастырю, делающему первые шаги на своем архисложном поприще.

- В-третьих, как показывают некоторые проповеди свт. Тихона, он не относился к робким, запуганным людям. Так, около 1769-1770 гг., в начале Русско-Турецкой войны, будучи уже на покое в Задонском монастыре, свт. Тихон собственноручно написал проповедь «О покаянии». В ней он очень смело обличал продажность судей, жестокость помещиков к крестьянам и упадок нравственности в обществе. Проповедь разошлась в списках в городе Ельце, а затем по доносу игумена Троицкого Елецкого монастыря Климента в Синоде началось следствие, и текст проповеди в результате был запрещен. Однако и после этого, в 1773 г., задонский подвижник, продолжая занимать активную пастырскую позицию, без опаски напоминает о своем существовании Синоду. Он в особом донесении в Синод дерзает испрашивать императорского указа для прекращения бесчинного празднования в Воронеже масленицы (Синод не поддержал этого начинания). Он, как видим, уже создав

сочинение «О истинном христианстве» (1768-1771), уже глубоко осознав, что подлинное христианство исходит из союза человеческого сердца с Богом, все еще продолжает верить в позитивную роль определенных элементов административного регулирования (возглавляемого монархом) в деле духовно-нравственного воспитания народа, верит в способность гражданской и церковной власти (сросшейся в указах Синода от лица императора) слышать пастырей и помогать им административными способами. Признавая, что всякая власть от Бога есть, он рассматривает гражданскую и духовную власть как параллельно восходящие к Богу и одна к другой не сводимые, чем сближается с древнерусской и византийской традицией симфонии священства и царства, но расходится с идеями Феофана Прокоповича, полностью подчинившего священство царству. Однако свт. Тихон ждет от государственной власти помощи в пастырских трудах: «Благочестивым царям долг надлежит защищать и умножать Церковь святую… о добрых пастырях промышлять, учения полезныя… расширять». При этом русский святой признает за человеком право в некоторых случаях не слушаться властителей: «Так поступали мученики святии… Так ты поступай. Велит тебе твой господин всякую работу отправлять – отправляй; велит неправду делать, обидеть, украсть, солгать и прочая – не слушай. Грозит за то казнию – не бойся: яко Бога боятися подобает паче… нежели человека, едино тело убивающаго, души же не могущаго убити».

- В-четвертых, свт. Тихон, искавший, как мы видели, помощи от узаконений церковных и гражданских даже в 1770-х годах задонского уединения, тем более искал и находил реальную помощь в правилах «Духовного регламента» в 1760-е годы, когда он – молодой, не подготовленный, не опытный, слабый здоровьем – был неожиданно вынужден нести крест правления огромной и одной из самых нравственно-запущенных епархий России. В ту эпоху не было нужды «рабски» следовать «Регламенту», поскольку обращение к его правилам было жизненно необходимым. Все нестроения духовной жизни России, описанные в этом документе, свт. Тихон встречал на каждом шагу своей пастырской деятельности в Воронеже и естественно обращался к «рецептам» «Регламента» за отсутствием других актуальных, современных ответов на эти вызовы времени. Одним из таких вызовов было крайнее невежество как духовенства и кандидатов в духовенство, так и простого народа. С первым свт. Тихон борется открытием, согласно «Регламенту» и насущной необходимости, славянских школ и семинарий, со вторым – созданием книжечек для простого народа. Эта задача ставится в «Регламенте» следующим образом: «А простому народу… нужно есть сочинить *три книжицы небольшия* (курсив мой. – и. Г.). *Первую* о… догматах веры нашея; тако ж и о заповедях Божиих, в Десятословии заключенных. *Вторую* о собственных всякаго чина должностях. *Третию* таковую, в которой собранныя будут с разных Святых учителей ясныя проповеди как о главнейших догматах, так и наипаче о грехах и добродетелях и собственно о должностях всякаго чина…»

Никто не заставлял Воронежского архиерея взяться за написание такого рода книжечек «о грехах», «добродетелях» и «должностях всякого чина», «Регламент» не обязывал всех архиереев этим заниматься. Создание «книжечек» для простого народа было желанием сердца самого

свт. Тихона, и он отдал этому делу, вместе с подвигом молитвы и милосердия, фактически всю свою оставшуюся жизнь.

В малых сочинениях 1763-66 гг. он говорит о теме «должностей» вкратце, а к июлю 1767 г. завершает самое крупное сочинение Воронежского периода своей жизни: «Плоть и Дух». Создавая «Плоть и дух», святитель Тихон частично осуществляет замысел третьей «программной» книжицы «Регламента»: на основе «кратких и внятных» цитат из Библии и свт. Иоанна Златоуста в этом сочинении излагается развернуто учение «о грехах и добродетелях» и элементы учения «о должностях» (обязанностях).

Структура сочинения «Плоть и дух» примерно такова: «грехи» – «должности» – «добродетели». Порядок разделов еще не вполне соблюден, указанные части смешиваются. Например, «должности» попадают внутрь раздела о добродетелях; учение о «должностях» лишь намечено. «Плоть и дух» было, вероятно, написано «на скорую руку» и по болезни святого, и по занятости епархиальными заботами. Слишком кратки, элементарны и схематичны здесь дополнения свт. Тихона к цитатам Писания и свт. Иоанна Златоуста. Это простенькие поучения для «простейшего народа», как и предусматривает «Регламент».

В 1768-1771 гг. свт. Тихон на покое в Толшевском, а затем в Задонском монастыре создает гигантскую энциклопедию духовной жизни на простом народном языке под названием «О истинном христианстве». Ее структура вновь соответствует «Регламенту»: «грехи» – «добродетели» – «должности». Однако эти части уже связуются цельным учением о благодатном покаянном переходе от греха к добродетели и затем к жизни во Христе и Его Церкви, жизни в вере, которая приносит плоды в исполнении «должностей» христианских. При этом свт. Тихон, «нащупав» целостный подход к духовной жизни – своеобразную аскетику для мирян, не был удовлетворен своей работой. Сочинение «О истинном христианстве» по своему великому объему не подходило для чтения в храмах простому народу, как проектировал «Регламент». Стараясь сделать учение Христово подлинно доступным для всех слоев общества, задонский праведник на основе опыта, полученного им при написании работы «О истинном христианстве», создает небольшие по объему шедевры духовной литературы XVIII века – это «Краткие нравоучительные слова» (ок. 1776-77 гг.) и «Наставление христианское» (ок. 1778 г.).

Уже после кончины (1783 г.) свт. Тихона по инициативе митрополита Гавриила (Петрова) эти два сочинения были особым образом соединены воедино и изданы в 1788 г. под названием «Наставление о собственных всякаго христианина должностях». Но уже при подготовке этого текста к печати, в 1787 г., Синод признал именно эту книжицу второй составляющей трилогии, предусмотренной «Регламентом», тогда как первой книжицей признал «Православное учение или Сокращенная христианская богословия» (издана в 1765 г.) митр. Платона (Левшина), а третьей книжицей – «Краткия поучения из разных св. отец и учителей» митр. Гавриила (Петрова), изданные в 1780 году. Таким образом, потребовалось 67 лет для осуществления идеи «Регламента» о трех книжицах для народа.

Однако это осуществление не стало точным исполнением замысла «Регламента»: по мнению П. В. Верховского, «эти книги вовсе не были малыми „книжицами“... Широкого употребления они не получили ни в качестве наставления для ставленников, ни в качестве катехизических чтений для народа». Думается, что ошибкой митр. Гавриила (Петрова) и Синода было объединение двух действительно малых книжиц свт. Тихона в одну и публикация этой объединенной книги славянским шрифтом. Несмотря на то, что объединенная книга «Наставление о собственных всякаго христианина должностях» выдержала огромное число изданий в XIX веке, вполне возможно, что эта инициатива Синода не получила масштабного отклика в народе. Одной из причин этого могло быть указанное искажение Синодом первичного замысла самого свт. Тихона. Он создавал краткие книги на легком, народном языке – Синод же составил из них книгу удвоенного объема и напечатал ее отпугивающим славянским шрифтом.

Тем не менее, своими поздними произведениями («Краткие нравоучительные слова», «Наставление христианское», «Сокровище духовное, от мира собираемое») свт. Тихон Воронежский (он же – Задонский) внес важный вклад в создание русского литературного языка. Он ориентировался:

- во-первых, на указание «Регламента» о создании «книжечек» для простого народа (что соответствовало и идеям Петра I о создании универсальной книги на языке, доступном как для горожан, так и для поселян);
- во-вторых, на свой богатый пастырский и личный опыт общения с простым людом Воронежской глубинки;
- в-третьих, опирался при создании своих текстов на выполненный Симеоном Тодорским и изданный в Галле в 1735 г. миссионерский перевод сочинения «О истинном христианстве» И. Арндта на несколько «сниженный» славяно-русский язык.

Как показывают исследования, переводы Симеона Тодорского, выполненные в Германии, преследовали цель преподнести тексты о христианской нравственности и благочестии на языке, доступном для всех русских людей.

Таким образом, тексты свт. Тихона приучали пастырей[4], назидая паству, а значит, и всегда, постоянно, говорить на народном языке. Тем самым возвышался и сам общенародный русский язык, в истории духовного обогащения и возвышения которого свт. Тихон оказывается одним из предшественников великого русского поэта А. С. Пушкина. Легкий же слог и поэзия русскоязычных «Кратких нравоучительных слов» свт. Тихона служат тому ярким подтверждением.

Иеромонах Гавриил (Мельников)

---

[4] Молодой свт. Филарет Московский еще в 1815 г. приобрел самое первое «полное собрание сочинений» свт. Тихона Задонского 1801 года издания.

На мотив псалма 18-го

Ночь ночи открывает знанье,
Дню ото дня передается речь.
Чтоб славу Господа непопранной сберечь,
Восславить Господа должны Его созданья.

Все от Него – и жизнь, и смерть.
У ног Его легли, простерлись бездны,
О помыслах Его вещает громко твердь,
Во славу дел Его сияет светоч звездный.

Выходит Солнце-исполин,
Как будто бы жених из брачного чертога,
Смеется светлый лик лугов, садов, долин,
От края в край небес идет Его дорога.

Свят, свят Господь, Зиждитель мой!
Перед лицом Твоим рассеялась забота.
И сладостней, чем мед, и слаще капель сота
Единый жизни миг, дарованный Тобой!

Константин Бальмонт
(1867-1942)

Мое милое детство

К. Лукашевич
(1859-1937)

Воспоминания моего раннего детства рисуют мне картины какого-то необыкновенного светлого, радостного счастья. Счастье это обитало с нами в маленьком деревянном домике, где жили мы – две девочки с родителями и старушкой няней, и в другом таком же домике, где жили бабушка и дедушка.

В обоих домиках было очень просто, скромно и даже бедно, но зато там было нечто другое… И в детстве мы часто слышали там чудесное слово: «счастье»… Что это такое? Где оно? С кем? В чем оно заключается? Все люди ищут, желают, добиваются счастья… Кто же счастлив? И что дает это желанное счастье?

Наше счастье было, наверно, не такое, какого желают многие… Оно было очень маленькое, скромное, тихое… Но оно делало наше бедное жилище прекраснее золоченых палат, придавало скромному платью вид царского одеяния; простая булка казалась нам часто вкуснее сладкого пирога, а задушевная песня доставляла минуты искреннего веселья.

Дорогое наше маленькое лучезарное счастье, ты – лучший дар на земле; тебе поклоняюсь я, благословляю тебя. Ты вдохнуло в наши души любовь и жажду к жизни, довольство своей скромной судьбой. Ты научило нас любить Бога, людей, природу, труд. И я всю жизнь воздаю хвалу тебе… Для нас, детей, среди тихой, однообразной, трудовой жизни чем-то большим, светлым, неожиданно радостным являлись праздники Пасхи и Рождества… В моих воспоминаниях детства эти великие праздники выступают яркими, огромными, светлыми картинами. Для детского воображения они были полны таинственной радости, верилось в возможность чудес.

И теперь, в годы старости, мое благодарное сердце переполняется горячей признательностью к моим милым родным, к няне, которые среди забот, труда и нужды оберегали и охраняли наше детство от тяжелой житейской прозы и заботами и любовью создали нам среди жизненной пустыни светлый островок счастья…

Я вспоминаю далекий-далекий вечер Вербной субботы.

Старушка няня, крестясь, затеплила перед иконами лампады. Она всегда это делала сама и никому не доверяла. Все христианские обряды, все праздники были для нее такой святыней, как для подвижницы.

Передо мной, как живой, встает светлый, прекрасный образ старушки няни. Это наш добрый гений, наш друг, наш Ангел-хранитель. Кроткая, ласковая, любящая всех, всем желающая добра, она была истинная христианка, благороднейшее существо. Я вижу няню неустанно трудящейся, с вечной молитвой на устах, крестящуюся при всех случаях жизни с чистой верою в добрых старческих глазах.

Мне шесть лет… Сестре Лиде пять… Няня надела нам темные платья и белые фартучки. Я помню, в детстве мы ходили в особенных платьях: очень коротких и пышных; а из-под них выглядывали длинные-предлинные, до самых ступней, панталоны с оборками и кружевами…

Няня надевает мне фартук, а я смотрю-смотрю, не отрывая глаз от ее милого, дорогого и любимого лица; я не могу насмотреться на нее и не могу вдоволь налюбоваться. Нянечка моя очень старая, вся в морщинах; глаза у нее голубые, ясные, как у ребенка, волосы совсем седые, даже белые, лицо свежее, румяное, и добрая-добрая улыбка, которая лучше всего выражала ее хрустальную душу.

В порыве горячей любви я охватываю няню за шею и начинаю беспрерывно целовать ее, приговаривая:

– Ты моя любимушка, моя золотая, брильянтовая, моя красавица, моя самая лучшая на свете…

Толстушка сестра Лида недружелюбно смотрит на нас и спокойным тоном говорит:

– И моя няня… Я тоже люблю няню…

– Твоя вот сколько, – показываю я на четверть мизинчика.

– Нет, – возражает сестренка. – Моя няня больше…

– А моя вот, вот… – и я стараюсь растянуть руки насколько возможно шире. – Моя няня еще больше, больше – до потолка…

Но я все еще недовольна величиной, которую придумала, и наконец решительно объявляю:

– Моя няня до самого неба…

Сестра насупилась и хочет захныкать.

– Ах, полно тебе, Беляночка, дразнить маленькую сестру. Опять перессоритесь… Помиритесь скорее… Ведь вы в церковь к Богу идете… Грешно в ссоре да во вражде.

И я крепко, с полным раскаянием целую Лиду. А на ухо шепчу своей старушке:

– Нянечка, все-таки ты моя немножко больше?

– И твоя, мое золотце, и Лидинькина, – отвечает няня.

Няня называет меня «Беляночка» за мои белые, как лен, волосы…

Перед всеми церковными праздниками наша нянюшка настроена особенно торжественно и свято, и лицо у нее серьезное, сосредоточенное.

– Нянечка, сегодня все со свечами и с вербочками будут стоять в церкви?

– Да, Беляночка… Какой праздник настает великий! Как благостно на душе!.. Слава Богу, дожили мы в добром здравии и до радостных дней.

– Нянечка, мы и огонь святой принесем из церкви?

Я хочу еще расспросить старушку обо всем, что меня волнует, но в эту минуту в соседней комнате раздается сильный, звонкий голос:

Люди добрые, внемлите
Печали сердца моего,
Мою скорбь вы все поймите,
Грустно жить мне без него…

Няня испуганно вскидывает глаза на образ в углу и порывисто крестится.

– Господи, прости! – шепчет она. – Господи, какое искушение! Вот-то грех!

Она поспешно открывает дверь в соседнюю комнату и строго, укоризненно говорит:

– Что это ты, Клавденька, запела? В такой-то день?! И не грешно, не совестно тебе? Ведь сейчас всенощная начнется… Разве можно теперь песни петь?!

– Прости, нянюшка, забыла! – ответил звонкий голос мамы.

– То-то, забыла, забыла… Разве можно это забывать?! Ты ведь теперь не барышня, а мать семейства и должна детям пример хороший показывать.

– Ладно, ладно, нянюшка… Прости, не волнуйся! – крикнула громко мама.

Мама во всем слушалась няню и, как говорила бабушка, даже побаивалась ее.

Няня была крепостная родителей дедушки, вынянчила дедушку, мою маму и последнюю меня. Няня была наш общий друг, любимый член семьи, которого все уважали и почитали…

Мама наша веселая и молодая. Ее большие красивые серо-зеленые глаза всегда горели задорным огоньком, очень полные румяные губы смеялись; движения были порывисты и быстры. Она всегда что-нибудь напевала и всюду вносила веселье, оживление, радость. Черные волосы мамы разобраны посредине ровным пробором и заплетены в длинные косы. По тогдашней моде косы уложены по бокам головы затейливыми завитушками. На ней надето платье с мягкими складками вокруг талии, а на плечах накинута черная бархатная пелерина с бахромой.

В руках у нее почти всегда какая-нибудь книжка. Из-за этих книг немало воюет с нею няня.

Как только входит к нам в комнату мама, сразу становится веселее. Мы знаем, что, если бы сегодня не «такой день», мама бы стала громко петь песни, шалить, возиться с нами и даже танцевать. Но сегодня она старается быть серьезной и заискивающе говорит нашей старушке:

– Нянюшка, вы идите ко всенощной, а я подожду Володю. Тут все приберу, приготовлю вам чай и буду дожидаться…

– Как, а ты разве не хочешь идти сегодня ко всенощной? – испуганно и строго спрашивает няня.

– Придет Володя… Надо его покормить… Пожалуй, и поздно будет… – как бы оправдывается и извиняется мама.

Но няню этими доводами не убедишь. Она не соглашается на предложение мамы и стоит на своем:

– Нет, нет… Как это можно: в такой день не помолиться Богу?! Отлыниваешь ты нынче, сударыня, от молитвы… Нехорошо это, Клавденька!

– Ну уж не начинай воркотни… Пожалуйста, не начинай! – недовольным тоном говорит мама.

– Я не ворчу, а говорю правду. Была ты прежде богобоязненная девица…

Оттого и жениха себе хорошего вымолила. А теперь эти книги тебя с ума свели… Долго ли до греха? Барин пообедает сам. Все ему приготовлено. Вернемся мы – я уберу… Как это можно в Вербную субботу не пойти ко всенощной?!

– Я пойду, пойду, пойду! Не ворчи! – соглашается мама.

Мы слышим, как звякнуло кольцо калитки. По двору, по деревянным мосткам раздаются быстрые шаги, еще торопливее – по лестнице, по крыльцу…

– Володя идет! – весело говорит мама и бежит открыть дверь. Папа сияет от счастья и радости. Его родное гнездышко для него дороже всего, милее всего на свете.

Из моего милого прошлого мне вспоминается тридцатилетний высокий белокурый мужчина с кротким лицом, с тихим голосом. Папа был молчалив, мягок и необыкновенно стеснителен. При малейшем волнении голос его начинал дрожать.

Папа окончил университет по камеральному факультету, но из-за своей скромности и застенчивости никогда не мог выдвинуться ни на каком поприще. Он только и умел, что любить нас, свой дом, заботиться о нас, горячо любить нашу веселую, избалованную маму. Он и нас научил тому же, и мы смотрели на маму как на какое-то высшее существо.

И никогда мы не видывали облачка неудовольствия на его лице, не слыхали, чтоб он сказал ей грубое слово, укорил в чем-нибудь… Мама была такая бурная, вспыльчивая; бывало, рассердится, а папа ее уговаривает и все прощает, все делает, как она захочет…

– Тих наш барин, что голубь… Надо бы с Клавденькой когда и построже поговорить… Она была у нас вольница, своенравная барышня. Владимир Васильевич ангельского характера, – восхищалась няня своим любимым барином.

Мы жили тогда на Петербургской стороне, в Зелениной улице. У нас была квартира из трех крошечных комнат, в маленьком деревянном доме. На верхнем этаже этого дома жили другие жильцы, какой-то отставной военный с женой. На дворе стоял еще крошечный домик-флигель, где помещался сапожник со своей убогой мастерской, и в крошечной лачужке – дворник. Вокруг дома был густой, тенистый сад. Теперь таких домов нет почти нигде в Петербурге, а в то время, лет пятьдесят тому назад, было очень много. Окраины Петербурга: Петербургская сторона, Васильевский остров – представляли из себя не что иное, как большие села с целыми линиями деревянных домов; улицы большей частью были немощеные, заросшие травой и в дождь и слякоть представлявшие собою непролазную грязь…

На окраинах Петербурга жизнь была совсем простая, бесхитростная, патриархальная. Много в ней было хорошего, было, конечно, и дурное.

Но я отвлеклась… Я вспомнила далекий вечер Вербной субботы.

Мы идем ко всенощной. Как-то особенно приветливо мерцают фонари. Тихо и холодно. В воздухе точно висит густой звон колокола ближайшей церкви. На душе очень торжественно. Мы идем с сестрой чинно впереди с вербочками в руках, а за нами мама с няней. Они полушепотом обсуждают предстоящие хозяйственные хлопоты…

Отстояв всенощную, освятив вербочки, мы возвращаемся домой. Как

у нас чисто, светло, уютно!.. Везде горят лампадки. На столе кипит самовар.

– Папенька, Бог Вам милости прислал! – разом кричим мы с сестрой.

– Володечка, Бог милости прислал! – говорит мама.

– Бог милости прислал, сударь батюшка! – как эхо, повторяет няня…

Мы не замечаем, как бедна и убога у нас обстановка: нам и в голову не приходило жаловаться и сетовать, что у нас на столе только чай, что нам дадут по маленькой булочке без масла, что молока нальют в чашки понемногу и сахару положат не очень сладко… Иногда попросишь еще… Ласковый голос скажет:

– Довольно, больше нет.

Но зато папа так добр и так любит всех нас, мама всегда шутит, смеется, всегда весела, а няня полна безграничной нежности, ласки и заботы.

– Идите спать, мои пташки… Теперь Страстная наступает… А там скоро и праздник… К бабушке с дедушкой поедем…

Папа и мама приласкают, а няня идет укладывать спать и шепчет нежные слова… Она говорит, что любит нас, что и мы должны всех любить, что надо быть послушными, добрыми, вежливыми.

– Теперь наступают великие дни страданий Господних. Надо вспоминать их с чистой душой, – говорит няня.

– Нянечка, а ты расскажешь нам, как страдал Христос за людей? – спрашиваю я.

– Расскажу, мое золотце. Вот выдастся нам свободный вечерок, тогда обо всем расскажу… А теперь спите, деточки… Ангел-хранитель к вам ночью прилетит…

И кажется, что действительно прилетит Ангел-хранитель и случится что-то радостное… Начинаешь дремать…

Няня становится перед иконой и собирается молиться Богу. Она молится всегда долго, горячо, просит о чем-то, вздыхает и даже плачет…

Страстная неделя чтилась в нашей семье и в семье бабушки и дедушки как величайшая святыня… Няня и мама одевались в темные платья, строго постились, каждый день ходили в церковь и говели. Везде у нас теплились лампады, было тихо и благоговейно. Нам, детям, почему-то бывало и жутко, и радостно. По вечерам няня часто рассказывала нам о страданиях Христа и всегда плакала… Иногда с великими святыми событиями она перемешивала и легенды… Рассказывала про птичку, которая вытащила клювом один колючий шип от тернового венца из святого лба Господа, и ее грудка обагрилась кровью… И с тех пор эта птичка святая и ее зовут «красногрудка». Рассказывала, как, мучаясь, Христос нес святой Крест на Голгофу и как все, кто Его касался, исцелялись.

– Скажи, нянечка, ведь Христос воскреснет?! – взволнованно, сквозь слезы, спрашивали мы, оплакивая страдания Христа, которые няня передавала так жалостливо и трогательно.

– Ну конечно, воскреснет… Но мы-то всегда должны помнить о Его страданиях и плакать о Нем.

И я помню, что в дни Страстной недели мы, дети, как-то душой проникались воспоминаниями о величайших евангельских событиях; эти воспоми-

нания воплощались во что-то реальное, и все выливалось в особое святое религиозное чувство… Казалось, что Бог с нами присутствует, страдает, молится и прощает.

Когда, бывало, в пятницу Великой вечерни выносили Плащаницу, мне всегда казалось, что действительно хоронят Христа. И как только запоют «Благообразный Иосиф», няня начинала горько плакать, и я за нею… С тех пор я особенно люблю эту службу и всегда вспоминаю чистые детские слезы о Господе…

В Страстную Субботу мы с няней ходили и к ранней обедне, и к поздней. Мама бывала недовольна и укоряла няню:

– Ну зачем ты ребенка таскаешь в такую рань?.. Ходи одна, если хочешь.

– Беляночка сама просится… Дитяти Господь милость пошлет… Пусть молится за нас, грешных…

Действительно, я любила эти ночные молитвы, в них было что-то таинственное и святое… Няня говорила, что мы идем хоронить Христа. Я знала, что Плащаницу будут обносить вокруг церкви и мы с няней пойдем со свечами за нею. Няня тихонько будила меня рано-рано, часа в четыре ночи… Глаза слипались, еще очень хотелось спать, но в душе был точно какой-то долг: надо идти хоронить Христа.

Выходили мы в полумраке, не пивши чаю, шли с моей старушкой по темным улицам. Таинственно и прекрасно. Душа полна радостью, точно делаешь что-то хорошее… В церкви народу мало, но как-то особенно значительно раздаются моления – и испытываешь особенное молитвенное настроение…

Я так любила и до сих пор люблю церковные службы на Страстной неделе. Они для меня полны духовного трепета, великого нравственного значения и дорогих детских воспоминаний…

Возвращаемся с няней домой точно совершили какой-то подвиг.

…А дома, в нашей маленькой квартирке, в это время, на Страстной неделе, кипели такие интересные хлопоты… Все делалось по порядку, по заветам старины, в определенное время…

Мы во всем помогали маме и няне. Сначала шла уборка квартиры: мама и няня, повязав головы платками, обметали потолки и стены, мыли окна, печи, полы, скребли каждый уголок, чистили, обтирали каждую вещь. Уборка шла на славу.

В среду няня чистила образа. Это было своего рода священнодействие, и к нему допускались я и Лида. Мы очень любили это дело и постоянно приставали к няне:

– Скоро? Скоро будем образа чистить? Поскорее, нянечка.

– Повремените, деточки… Это дело не шуточное… Надо осмотрительно…

Прежде всего няня тщательно умывалась и нам заботливо мыла руки мылом. Потом на обеденном столе расстилалась чистая скатерть. На этот стол сносились все образа из квартиры, а их было у нас немало. Затем няня приготовляла мел и делала мыльную воду. Мы с Лидой тщательно терли и мыли серебряные и металлические венчики и ободки на старинных окладах, и каждая старалась это сделать как можно чище и ярче. Затем няня заставляла нас помолиться.

– Теперь, благословясь, оботрите деревянным маслом лики.

Мы обтирали лики. Эта работа казалась нам важной и святой. После нашей чистки иконы в углах комнат сверкали необыкновенно, и перед ними ярко горели лампады. Няня ходила умиленная. А комнаты нашей квартиры походили на кельи монахинь.

В четверг наша старушка делала четверговую соль. Это была какая-то совсем особенная черная соль, которую жгли в духовой печке и на Пасху ставили на стол. И разговляться без четверговой соли казалось нам немыслимым.

И в четверг же у нас дома обыкновенно красили яйца. Это, конечно, бывало самое интересное из подготовки пасхального стола. Во главе этого дела стоял отец. Мама ему помогала. Мы ни на шаг не отходили от них, и каждая из нас имела право выкрасить для себя по нескольку яичек.

Папа непременно хотел перещеголять дедушку, который был великий мастер красить яйца. Да и отец наш ему не уступал.

В пятницу нянечка пекла кулич, месить который помогал ей отец, а вечером делали пасху. Это было целое событие, особенно памятное мне.

Мама уже ранее несколько раз бегала к бабушке за советами: как сделать пасху, сколько чего положить, как замесить кулич, сколько держать в печке окорок… И все у нас по советам бабушки выходило отменно хорошо. Никогда ничего не портили.

Особенно удавалась пасха. Она была традиционная «бабушкина» и делалась по ее старому собственному рецепту. Я и до сих пор делаю эту заварную «бабушкину» пасху.

Надо было строго положить всего по пропорции, долго мешать, тихо прогревать на огне и, храни Бог, не переварить.

– Попробуй, няня, довольно ли сахару? – спрашивает мама.

– Что с тобой, голубушка?! Да разве стану я пробовать… Ты хочешь, чтобы я оскоромилась… Да разве это возможно!

Я вопросительно взглядываю на няню и тоже не решаюсь оскоромиться. Мне кажется это большим грехом. А как хотелось бы попробовать вкусной пасхи!

И вот уже заканчиваются последние праздничные приготовления.

Наступила суббота. Вечер. Мама накрывает и убирает маленький скромный пасхальный стол… Все у нас просто, незатейливо и всего понемногу… Однако на всем видна заботливая рука хозяйки: в корзиночках выращена зелень – овес; свиты гнездышки из сена и туда уложены пестрые яички.

А няня в это время хлопочет, чтобы дворник или верхняя жиличка снесли освятить пасху, кулич и яйца.

Наша милая старушка, пока мы были малы, никогда не могла пойти к заутрене. Она всегда оставалась дома.

Родители наши отправлялись в ту же церковь, куда ходили и дедушка с бабушкой. Эта приходская церковь была далеко, где-то на Васильевском острове… Разговлялись мы ночью, когда папа и мама приходили из церкви.

Бывало, еле-еле дождешься этой минуты…

– Нянечка, скоро будем разговляться?.. – томлюсь я.

– Лягте, деточки, не томитесь. Еще долго-долго. Засните… Придут папа с мамой – я разбужу. Приведет Господь – и разговеемся все.

– Не уснуть, нянечка…

– Прочитайте десять раз «Отче наш» - и заснете…

Глаза слипаются, зеваешь, томишься, читаешь без конца «Отче наш», но заснуть невозможно. Волнуешься, ждешь разговенья, завтрашнего дня и всех радостей жизни…

Я помню, как родители взяли меня первый раз к заутрене. Нянечка моя волновалась больше меня… Как она меня прихорашивала, наряжала, наставляла и учила:

– Ты смотри, Беляночка, как в церкви двери закроют и уйдет крестный ход, тогда скоро и «Христос воскресе!» запоют. Сначала за дверью пропоют, будто узнали благую весть. Господи, в храмах Божиих какие сегодня молитвы поют, какая служба идет!..

Няня меня укутала, перекрестила, и мы ушли… Как я счастлива, горда и довольна! Я с папой и мамой иду к заутрене… Хотя мне всего-то семь лет, но я кажусь себе большой. Шестилетняя сестра Лида, конечно, не может сравняться с такой взрослой девицей, которая уже идет к заутрене! И Лида, конечно, обижена и даже поплакала. Но ее утешают, что в следующем году и она будет большая и тоже пойдет к заутрене…

Только раз в году и бывает такая ночь… Какая-то особенная, чудесная… Святая ночь под праздник Светлого Христова Воскресения полна невыразимой радости. Никто не спит в эту ночь… И кажется, все ищут ласки, примирения. И в сердце самого обиженного, несчастного человека просыпается всепрощение и надежда на счастье.

Мы идем медленно к заутрене. Папа и мама держат меня за руки. А я примолкла и вся превратилась в зрение. Кругом шум, движение и суета. На улицах горят плошки с маслом, а кое-где даже целые бочки. Люди идут, идут без конца, с куличами, с пасхами… Все веселые, радостные, нарядные… Вдруг раздается сигнальный пушечный залп… Скоро пронесется благостный звон... «Звонят во всех церквах на все голоса, как никогда нигде. Точно Ангелы поют на небесах», – так говорила няня. И мне казалось, что я действительно слышала тогда пение ангелов. Я зорко всматривалась в синее небо и в мерцающие там звездочки, и детской мечте ясно и чисто представлялось великое событие прошедших веков.

В церкви необыкновенно светло и торжественно. Мы едва-едва протискиваемся вперед… Вон и бабушка с дедушкой. Вон и тети. Все улыбаются мне, ласкают, ставят удобнее. Заботятся… Бабушка и дедушка такие нарядные, как никогда. У дедушки надеты все ордена. Я про себя думаю, что «сегодня дедушка – царь, а бабушка — царица»…

Служба пасхальная и торжественна и прекрасна, напевы молитв радостны.

Мне было так хорошо… Трепетно билось сердце, когда за дверями запели «Христос воскресе!», и радостно откликнулось оно навстречу великому

привету: «Воистину воскресе!» В церковь вошел с громким пением крестный ход. После мы все похристосовались. Отстояли заутреню и даже обедню.

Радостная, счастливая, бегу я по двору, по лестнице. Няня открывает дверь.

– Христос воскресе, нянечка! Христос воскресе! – громко и восторженно крикнула я, бросаясь к своей дорогой старушке.

– Воистину воскресе, моя пташка дорогая, мое золотце! Вот мы с тобой, старый да малый, дождались Великого праздничка. Ты уже теперь большая… У заутрени первый раз была.

Как светло, чисто, уютно, радостно у нас… Везде, везде горят огни, лампады.

– Люблю, когда светло, когда много горит огней, – говорила всегда мама, и в большие праздники у нас во всех уголках квартиры зажигались огни.

Мы все христосуемся, дарим друг другу яички, втайне друг от друга сделанные. У нас накрыт стол, а под салфетками у всех лежат яички. Такой обычай был у нас и у дедушки с бабушкой. У меня красное яичко с цветочками, у сестры Лиды желтенькое. Это сделал папа…

Мы так всему радуемся, так счастливы… Мы разговляемся тихо и весело. Всего пробуем понемножку… Глаза уже застилает какой-то туман… И томно и хорошо…

В окна пробивается весенний голубоватый рассвет… Так интересно и необычайно встречать это прекрасное раннее утро наступившего праздника… Сколько сладких мечтаний, ожиданий… Все так живо, весело, полно неизведанных радостей, как сама невинная жизнь дитяти. Жизнь чистая, мирная, счастливая скромными радостями и любовью окружающих… Жизнь тогда казалась беспрерывным праздником, с гулом благостным колоколов, с надеждой на что-то неожиданно радостное, с верой во все хорошее и с любовью к самому источнику счастья и жизни – к Богу.

ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО

«О, Воскресший Господи,
как Ты Воскресением Своим для всех стал всем!

Опребогатый Царю,
как Ты одним Своим даром
наполнил все пустые руки, воздетые к Небу!

Радуется небо, радуется и земля. Радуется небо, как радуется мать, питающая своих алчущих чад; радуется земля, как радуются чада, принимающие пищу из рук своей матери.

Победа Христова есть единственная победа, коей могут радоваться все человеческие существа от первозданного и до последнего»

Свт. Николай Сербский.